

По тому, как построен дом, можно судить о характере хозяина. Витина дача была рублена из бруса, аккуратно проконопачена, окна окантованы незатейливыми, но добротными наличниками, окрашенными традиционной голубой краской.

Взглянув на дом с улицы, можно предположить, что хозяин — без особых фантазий в голове, но на земле стоит крепко. К дому пристроена просторная веранда, соединённая крытым переходом с баней. Всё просто, продуманно и функционально. Андрей однажды был на Витиной даче, но это было давно, они завалили туда шумной компанией поздним вечером и, прогуляв почти до утра, на следующий день уехали. На этот раз Андрей, неторопливо обойдя всё Витино хозяйство, удовлетворённо хмыкнул:

— Крестьянских кровей ты, Воронцов, несмотря на свою фамилию.

— Да, мы из крепких крестьян. Если бы не Великая да Октябрьская...

— То что?

— А ничего. Пойдём, покажу, как воду добывать.

Прямо в бане была пробурена скважина, стоял насос и воду качал — хоть в бутылки разливай.

— Как ты в бане скважину-то пробурил?

— А я сначала пробурил, а уж потом баню поставил. Умные люди всегда всё по порядку делают. Ладно, устраивайся. Постельное бельё в шкафу, поливать каждый день надо только редиску и огурцы, газовый баллон на кухне сам обменяешь, тот почти пустой. Всё, я поехал, не скучай.

Андрей неторопливо обошёл весь огород, попинал лопухи, буйно разросшиеся у калитки, закурил и, облокотившись о забор, долго глядел на пустынную дорогу.

«Как Василий Алибабаевич говорил: „А в тюрьме сейчас макароны дают...“ А дома, наверное, Евгения щей наварила... Нет! Всё! Отрезано! Хватит! Бесконечно это продолжаться не может. Всему есть логическое завершение. Всему должно быть логическое завершение! Хватит ныть!»

Андрей, зло плюнув, бросил сигарету и пошёл в дом. Поднявшись на крыльцо веранды, увидел сидевшую на скамейке соседнего дома женщину, пристально глядевшую на него. Рассеянно махнув головой, неуверенно поздоровался.

— Вы кто? Родственник Воронцовых?

— Нет. Я друг Вити.

— А... Вы остаётесь ночевать?

— Да. И не только сегодня. Я тут задержусь на некоторое время.

— Как славно, — женщина встала со скамейки и быстро подошла к штакетнику. — Вы знаете, последние две ночи по дороге какие-то хулиганы ходят. Орут как оглашенные. Я по полночи не сплю.

— Так вы здесь постоянно живёте?

— Да... Знаете, в городе так душно, пыльно. Я вот тут...

— И не страшно?

— Нет, что вы, я не трусиха. Так, тревожно иногда. Меня зовут Серафима.

— А по батюшке?

— Нет... — она замахала руками. — Просто Серафима. Как вы славно сказали: «По батюшке...» Вы филолог?

— Ну конечно, — Андрей засмеялся. — Вечная тройка по русскому. Нет, я программист, и зовут меня Андрей. Мы с Виктором работаем в одной шарашке. А он не предупредил, что у меня будет такая прелестная соседка.

— Он меня мало знает, мы недавно эту дачу купили. И живу я тут всего неделю.

— Хорошо, Серафима. Будет страшно — зовите на помощь. Только учтите, я крепко сплю, и разбудить меня будет трудно.

— Я постараюсь вас не тревожить. Спокойной ночи.

Наталья «прокрутила» Чмарова через информационный центр, и выяснилось, что за плечами этого милого «родственничка» уже две ходки в зону. Последняя, по сто девятой, с небольшим сроком за неумышленное убийство, просто выпирала недосказанностью умышленного. С таким гусем ухо надо остро держать. К первому вопросу приготовилась очень тщательно. Вспугнёшь его раньше времени — потом поминай как звали. Голова, она при любом раскладе дороже квартиры. Наталья, проходя по коридору, засекала, что Чмаров пришёл раньше назначенного времени и тихо сидел в коридоре, даже не пытаясь напоминать о себе.

— Андрей, пиши протокол, не задавай вопросов и внимательно приглядывайся к этому мужичку. Не исключено, что тебе с ним придётся ещё поработать. Понял?

— Не дурак. Зовём?

— Приглашай.

Чмаров тихо вошёл и, вопросительно взглянув на Наталью, остановился в двери.

— Входите, Чмаров, садитесь.

— Рано садите, гражданин начальник. Присесть могу.

— Хорошо... присаживайтесь.

То, что Чмаров «гусь», было очевидно. Зона учит думать, прежде чем рот раскрывать. Даже на простые и тысячу раз задаваемые ему протокольные опросы: кто да как зовут,— отвечал неторопливо, выдержав паузу.

— Виктор Сергеевич, что вы можете пояснить по поводу гибели вашего родственника?

— Кого вы имеете в виду?

— А что, у вас много родственников погибло?

— Да нет. Последнее время только один.

— А раньше?

— А за раньше я не в ответе.

— Хорошо. Вы знаете, о ком я спрашиваю?

— Это вы о Борьке, что ли?

— Да. Что вы можете пояснить по поводу гибели Промахова Бориса Петровича?

— А чего мне говорить? Сиганул в окно Боря Промахов, вот и всё. А я тут при чём?

— Как вы считаете, у него были причины в окно сигать, как вы говорите?

— Это вы у него спросите. А мне откуда знать?

— Какие у вас были отношения?

— Какие у нас могут быть отношения? Это у него с женой были отношения. А у нас какие?.. «Здравствуй» и «прощай». Вот и все отношения. Не любил он меня,— впервые на лице у Чмарова мелькнули какие-то эмоции, он дёрнулся глазами, но сразу опустил их в пол.— Сидельный я, вот и не любил. Зёков кто у нас любит? «Зэка» — он и есть «зэка».

— И по каким вы статьям привлекались?

— А то вы не знаете,— Чмаров зло сверкнул глазами.— Гражданин следователь, не надо меня на «понял» брать. У вас там всё уже давно написано—и по какой, и на сколько. Не надо мне под губу заглотишь подводить. К Борькиной смерти я никакого отношения не имею.

— А что это вы так разволновались, Чмаров? У меня к вам вообще никаких претензий. У вас, кстати, неплохое алиби. Вы ведь в это время были на рынке?

— Да. Я в это время был на рынке, с корешами пиво пил. Меня видело не менее трёх человек.

— Вот и славненько. И не надо так волноваться. Я должна опросить всех, кто имел хоть какое то отношение к происшедшему.

— А я и не волнуюсь. Что мне волноваться?

— Прекрасно. Давайте вашу повестку. Вы никуда уезжать в ближайшее время не собираетесь?— подписывая повестку, Наталья из-под ресниц внимательно наблюдала за Чмаровым.

— А куда мне ехать? Некуда мне ехать.

— Хорошо. Если будет что сообщить по факту— милости прошу.

— Как только, так я сразу,— Чмаров нахлобучил кепку до бровей.— До свидания, граждане следователи. А про Борьку... Борька давно уже психовал из-за Зойкиной дурки. Вот сам и дурканул.

— И в чём же выразалось его психование?

— Не знаю. Мне так кажется. До свидания.

Так и не поднимая глаз, Чмаров быстро вышел из кабинета.

Наталья долго и, казалось бездумно смотрела в протокол допроса, пытаясь мысленно настроить себя на объективную точку зрения на ситуацию. «Кто он, Чмаров? Тёмная и загаившаяся тень или реальный злодей?»

— Ну и что скажете, молодой человек?— Наталья приколола протокол на усы скоросшивателя.— Как вам это нравится?

— Не знаю, Наталья Максимовна. Чужая душа— потёмки. Тип не очень симпатичный, но детишек мне с ним не крестить. Я думаю, надо тех корешей за хвост подёргать. Они единственное его алиби.

— Вот и подёргай. Только тихо и быстро. Прямо сейчас, до того как Чмаров с ними ещё поговорит. А он с ними обязательно поговорит. Я понимаю, что это не твоё дело— по пивточкам бегать, но... Во-первых, просто некому, все оперá в разгоне, а во-вторых, «постановка на нюх», как говорит подполковник Смагин, должна быть всесторонней, чтобы знал, что оперов кормит, и не гонял их потом по собственной прихоти. Без обид?

— Какой разговор. С удовольствием пивка попою, с мужичками за жисть покалякаю.

— А почему не спрашиваешь, где они пиво пили?

— Обижаете, Наталья Максимовна. Не маленький, сам разберусь. «Погоняло» у него какое?

— Андрей... Не хочу быть занудой, но...

— Понял, Наталья Максимовна. Больше не бу.

— Чего «не бу»?

— Так какая у него кличка?

— Ну ты и... — Наталья покачала головой.— Кличка у Чмарова... — Наталья полистала бумаги.— А кличка у него— Чмо. Да... Очень образно. Расшифровывать надо?

— Не утруждайтесь. Ну так я пошёл?

— Идите. Андрей, и всё-таки это ничего что у вас на «ты»?

— Нормально. Мне приятно слышать ваше доверительное «ты». Разрешите идти, товарищ старший лейтенант?

— Иди... Отпускаю одного только потому, что мне туда никак нельзя. Никуда не соваться, тихо потолковать с мужиками— и ко мне. Ясно?
— Вы как Джульбарсу... «ко мне».
Наталья покачала головой.
— Иронии у тебя на троих хватит. Иди, горе луковое.

Прокурор наотрез отказался дать разрешение на эксгумацию.

— Тоже мне, моду взяли. Чуть что— сразу и копать. Помер, так пусть лежит человек, нечего его прах беспокоить. Не вижу оснований для столь серьёзного дела.

Смагин попытался было возразить, но потом махнул рукой.

— Ну, как знаете, Николай Михайлович. Можно, конечно, и так, по течению пустить, тем более что «парашютисты» сегодня чуть не каждый день летают. Но тут особый случай.

— В жизни все случаи особые. Родился человек— особый случай. Помер— тоже не из рядовых. Я не могу при столь слабой аргументации дать разрешение на очередное гробокопательство. Судмед-эксперт смотрел, смотрел. Что ему сейчас надо?

— Мы на это дело под другим градусом посмотрели, вот и сомнения появились.

— Смагин, я верю, что вы очень опытный в своём деле человек и зря сюда не пойдёте. Но вы и меня поймите. Мёртвым всё равно, закапывают их или раскапывают. Не всё равно живым. Эксгумация— это ещё и социальное явление. А лишний трёп и разные досужие домыслы, бродящие по городу, мне ни к чему! Всё! Вопрос пока закрыт. Будет достаточно оснований— будет вам и разрешение. А пока так работайте.

Наталья, пока аккуратно не дописала отдельного поручения операм по присмотру за Чмаровым, не успокоилась. В хлопотном следовательском деле, если не будет порядка в бумагах, проку не жди. Утонешь, как в омуте. Только приучив себя пунктуально доводить все бумажные дела до конца, можно спокойно браться за другие, зная, что позади тебя дыр не осталось. Взяла трубку телефона, немного подумала и набрала знакомый номер.

— Здравствуйте. Андрея Николаевича, пожалуйста... Здравствуйте, Андрей Николаевич. Как жизнь, как дела?

— Наталья?! Вот это сюрприз. Вы мне позвонили... Тронут вашим вниманием. Как у вас? В выходной собираетесь домой ехать?

— Если и да, то что?

— Не напрягайтесь. Я вашему замечательному отцу пообещал не показываться на глаза, пока не решу все свои проблемы. Просто привет ему передайте. И непременно Галине Михайловне. Она у вас тоже очень замечательная мама.

— Лстец. И хвастун.

— За что, Наталья Максимовна?

— За самоуверенное обещание решить все свои проблемы. Это невозможно.

— Ну почему же?..

— А потому. Любое решение любых проблем есть рождение новых, порой ещё более сложных. Всех проблем решить просто невозможно. А значит, вы хвастун.

— У вас игривое настроение. Наверное, жулика какого-нибудь разоблачили. Карточного шулера, который опустошил три казино. Их, говорят, поймать очень сложно.

— Нет, к сожалению. Жулики все хитрые, а карточных жуликов я и в глаза никогда не видывала. Я в карты только в подкидного. Кстати, а вам не знакома фамилия Промахов?

— Что за Промахов? Нет, первый раз слышу. А он что, крупный жулик?

— Нет. Он тоже программист. Был, к сожалению. В окно выбросился, с седьмого этажа.

— Ни фига себе, сокол ясный. А чего это вы параллели проводите? Если программист, значит, склонен к прыжкам в окно?

— Нет. Пока не увидела имя на корочке дела— чуть с ума не сошла. Я не знаю вашей фамилии.

— Наталья... — Андрей замолчал.

— Алло... алло! Андрей Николаевич...

— Здесь я. Наташа, я даже не знаю, что сказать.

— Да ничего и не нужно говорить. Просто при знакомстве с девушкой надо называть свою фамилию.

— Назаров моя фамилия. Наташа, я хочу вас увидеть.

— То, что вы Назаров, это ещё не повод... А вы ещё не решили все свои проблемы.

— Все нет, но одну уже решил. Я ушёл из дома.

— Куда, если не секрет?

— Живу на даче у друга.

— Дичаете помаленьку.

— Сливаюсь с природой. Хотите ко мне в гости?

— Ехать на дачу к мужчине, впервые услышав его фамилию, безнравственно. Слышала бы моя мамочка. Ох, она бы вам задала!

— А правда, Наташа? Можно я за вами заеду после работы?

Дверь резко распахнулась, вошла Катерина и, покрутившись у зеркала, уселась на стул.

— Не знаю... — Наталья, покосившись на Катерину, замолчала.

— Соглашайтесь. По лесу погуляем, чайку попьём, и я вас аккуратно отвезу домой. Там такая чудная природа. Ну, соглашайтесь, не пожалеете.

— Хорошо. После пяти... Только не у райотдела. Стойте на углу.

— Хорошо, Наташа...

— Извините. У меня тут люди пришли.

— Хорошо. Как договорились.

Глаза у Катерины загорелись, как галогенные фары:

— Кто?!!

— Дед Пихто. Просто знакомый.

— Не финти. Последний раз спрашиваю: кто?! Не скажешь—застрелюсь! И тебя застрелю!

— Помнишь, мужчина подвозил меня на тракте?

— Это который с тебя денег не взял? Старый и умный?

— Ну, не такой уж и старый...

— Наташка... Во тихоня! Жена, дети, машина, дача?

— Ты сразу на вещдоки: дача, машина. Не знаю и знать не хочу. Конечно, жена, конечно, дети. Дети уже взрослые, с женой какие-то проблемы. Из дома ушёл, живёт на даче у друга.

— Ну ты даёшь... Так он тебя клеит или ты его?

Хотя нет, ты не тот кадр. Значит, он! Ну а ты чего?

— А ничего. Ничего я, Катерина, не знаю...

— Всё ты знаешь. Вижу, зацепило.

— Не знаю, зацепило или нет, но мне с ним просто интересно.

— Поплотней познакомись, ещё интересней будет. Это ты тебе говорю.

— Всё-то ты знаешь, Катенька. Дома меня уже запилили.

— Так он у тебя и дома был?!

— Был. Отцу очень понравился, но он ему прямо сказал, чтобы тот сначала свои домашние проблемы решил, а уже потом к порядочным девицам подкатывал.

— Ну ты даёшь, тихоня. А маманя?

— А мама сказала, что быть стервой, отбивающей отца у детей и мужа у жены,—крайняя степень падения для женщины.

— Ой-ёй-ёй... какие мы щепетильные. Ну ладно, они родители, им положено за детей беспокоиться. А ты сама-то чего?

— Я же тебе говорю: не знаю. Честно говоря, не очень хочется быть стервой.

— Ты же сама говоришь, что у него проблемы с женой. И, скорее всего, давние. Ну не мог же он уйти из дома только потому, что один раз подвёз тебя на машине?

— Два.

— Что «два»?

— Два раза подвёз.

— Два? Тогда это в корне меняет ситуацию. После такой близости он, как честный человек, просто обязан бросить жену,—Катерина покачала головой.—Чего ты мелешь, как малахольная? Такой шаг обдумывается долго, и, скорее всего, у них там давно уже зашло в тупик.

— Умная ты, Фрося. И рассуждаешь ты логично. Но логика в таких делах—не самое главное.

— По-моему, ты просто усложняешь ситуацию. Он что, тебе уже замужество предлагает?

— О чём ты говоришь?..

— Ну вот видишь. Встретаться с мужиком только для того, чтобы просто потрепаться,—это не преступление. Как я понимаю ситуацию, дальше трёпа у вас пока ещё не дошло?

— У нас ещё ни до чего не дошло.

— Вот видишь, как всё прекрасно. И что тебя гложет?

— Перспективы.

— Не опережайте свои неприятности, мадемуазель. Всё придёт в своё время.

— Послушаешь, так все вокруг такие умные. А я вот дура душой.

— Ты не дура. Ты просто молодая и неопытная. А этот недостаток со временем проходит. Ого... Время за пять перевалило. Твой Ромео на углу уже, наверное, дымится. Говорят, у пожилых людей время быстрее бежит, так что побереги человека.

— Ох и язва ты, Катерина. Ты только рот на замке держи.

— Обижаете, Натали. Не волнуйтесь, тайну свято сохраню. Даже от близкого друга Мишани.

— Да, Назаров, вы явно не простак.

— И за то спасибо.

— Пожалуйста. Я к тому, что место для ссылки вы выбрали знатное,—Наталя шла по тропинке вдоль ситцевого светлого березничка.—Как товарищ Ленин в своё время в Шушенском. Здесь и страдать не так тоскливо. После моего прокурорного и заматеренного райотдела... Вот уж здесь действительно рай.

— А вы оставайтесь.

Наталя глянула на Андрея остро и сердито:

— В качестве кого?

— Вы умеете задавать вопросы, на которые трудно отвечать неконкретно.

— Издержки профессии. На работе мне не нужны неконкретные ответы.

— А вам профессия в жизни мешает или помогает?

— Не знаю... Скорее мешает. Трудно нарастить шкуру чтобы грязь не липла, трудно не пропускать всё через себя, да мало ли... Но есть и положительные стороны.

— Их, конечно, больше?

— Хоть отбавляй. Умение мыслить логично никогда не помешает.

— И вы искренне в это верите?

— А вы?

— Сухая логика столько прекрасных вещей погубила. Логика—холодный и расчётливый убийца. Всё, что украшает нашу жизнь,—музыка, живопись, поэзия—всё это создано вопреки всякой логике! Не благодаря, а вопреки.

— Ну... Этот спор бесконечен.

— А я и не буду спорить. Это очевидно любому здравомыслящему человеку.

— Ну, так то здоровомыслящему. А я — мент! Где уж нам, дуболомным.

— Наташа, не обижайтесь. И старайтесь не говорить это поганое слово — «мент». Просто вы ещё максималистка. Со временем это затухает. Интересно... — Назаров показал пальцем в сторону дачного посёлка. — Это же Мишка идёт. Точно. Наверное, меня ищет.

— Кто?

— Мой младший.

— Вы идите, а я здесь подожду.

— Ну конечно. Будете вы тут одна стоять. Я очень хочу вас познакомиться. Он интересный парнишка. Он вам понравится.

— Вы считаете, ему необходимо знакомство со мной?

— А что в этом плохого?

— Ну хорошо.

Ещё издали узнав отца, Мишка помахал рукой. Подойдя ближе, разулыбался:

— Ну как ты тут? Не озверел?

— На природе люди, наоборот, добреют. Что случилось?

— Да нормально всё... Я так, проведать.

Бросил тревожный взгляд на женщину в милицмейской форме. Назаров перехватил его взгляд.

— Познакомься. Это Наталья Максимовна, следователь.

— Ты что-то натворил?

— Да нет... Она мой гость.

— А-а-а... — Мишка внимательней, теперь уже оценивающе, глянул на Наталью. — А я уже всполошился. Батя у нас человек импульсивный, в ярости может и дров наломать.

— Вот уж не сказала бы.

— А вы сколько его знаете?

— Да... В общем-то, недавно...

— А я давно. Он может. Это он с виду тихий.

— Напугаешь человека. Как там у вас?

— «У нас» — это где?

— Так, вообще.

— «У нас» у меня — всё нормально. Учусь, работаю. Компик обновил. Круче, чем у Билла Гейтса. «У нас» у матери — всё так же. Вчера был.

— Она в клинику не собирается?

— Да никуда она не пойдёт. Слушай, а чего ты нам чайку не предлагаешь? Я с пирожными.

— Ну, чайку так чайку.

Пили чай, трепались ни о чём. Мишка, изредка поглядывая на Наталью и пытаясь угадать степень знакомства её с отцом, понял, что дальше разговоров и пристрелки глазами у бати не дошло. Это успокаивало. Он очень болезненно переживал его разрыв с матерью. Душой понимая, что её болезнь морально давила отца, и оправдывая его как мужчину, он не мог оправдать его как отца. Родители слились в его понимании в одно целое

и неразделимое. Дети иногда говорят «мамапапа», воспринимая маму и папу единой средой окружения. Вот и Мишка. Взрослый умный парень, давно уже понявший принципы одиночного плавания по жизни, не мог себе представить, что отец и мать могут жить порознь. Но дело шло к этому, и с ситуацией, видимо, придётся смириться. Мишка, поглядывая на Наталью, невольно сравнивал её с матерью и с сожалением отметил про себя, что мама по многим позициям проигрывала. Правда, немного отталкивала милицмейская форма. Даже кокетливый галстучек вытянутой бабочкой не скрашивал казарменности. Форма противостоит женской природе, бесформенной, не обязательной и капризной. Несмотря на младые годы, Мишка уже понял некоторые особенности психологии женщины.

— Ну ладно, папаня, я, пожалуй, пойду.

— А чего заторопился? Сиди...

— Электричка скоро.

— Можно я тоже с вами? — Наталья потянулась за сумкой.

— Ну вот... — Назаров досадливо сморщился. — Чего засуетились? Я увезу вас на машине.

— Не надо, батя, отдыхай. Мы с Натальей Максимовной на электричке.

— Я уже сто лет не ездил на электричке.

— Ну вот и прокатимся. Я вам анекдоты буду рассказывать.

Мишка пытался шутить, но Андрей видел, что глаза его напряжены и он не так уж и весел, как-то пытался казаться. Андрей пошёл провожать их на платформу и, увидев момент, когда Наталья отвлеклась, тихо дёрнул Мишку за рукав:

— Слушай, ты чего такой напряжённый? Ты мне это кончай...

— Да всё нормально, батя. Я глупостей не буду делать. Просто приглядываюсь.

— А тебе нечего и приглядываться. Это пока ещё ничто.

— Ну... не скажите, Андрей Николаевич. Я уже больший.

— Вот и слава Богу. Придёт время — поговорим и на эту тему.

— Можешь не беспокоиться. Я всё понимаю.

— Ух... смотри мне.

Никаких анекдотов Мишка, конечно же, не рассказывал. Достал из сумки затрёпанную книжонку и, привалившись к стенке, читал, иногда коротко поглядывая на Наталью. Подъезжая к городу, Наталья перехватила его взгляд. Наклонившись к уху, тихо спросила:

— Ну... и какие выводы?

— Это вы о чём?

— О том. Считаешь, что я стерва?

— Считаю что вы симпатичная женщина. Но при этом ещё считаю, что такая большая разница в возрасте, как правило, счастья не приносит.

— Откуда мудрость не по летам?
— Акселерация плюс информация, знак равенства—ранняя зрелость.
— И преждевременная старость,—Наталья засмеялась и, шлёпнув его по лбу, встала.— Пойдём, акселерат.

Наталья сунула ключ в замок, привычно пыталась повернуть—ключ не поворачивался. Попробовала ещё раз... дверь легко поддалась и открылась. Встревоженно заглянув в кабинет, Наталья увидела, что за столом Семён Семёныча сидит стажёр и, привалившись щекой к сейфу, сладко спит. Положив ключ на стол, молча смотрела на юного помощника. «Ещё один акселерат. Спит, как суслик... губы оттопырил».

— Пинкертон... Царствие небесное проспишь. Утро красит нежным цветом...

— А?..—практикант открыл глаза, подскочил на стуле.—А... Это вы, Наталья Максимовна,—сладко потянулся.—А я тут прикорнул.

— Мама, небось, уже потеряла ребёнка? А чего дома не спишь, в мягкой постельке?

— Не стал беспокоить. Я позвонил, соврал, что у друга заночуял.

— А сам с подружкой допоздна прогулял?

— Нет, за Чмаровым следил.

— Да ну-у?... И чего же выследил?

— А вот... Сейчас расскажу. Можно я быстренько умоюсь?
— Конечно, можно. Даже нужно. Со сна опух, как лопух.

— У вас хорошее настроение... Это замечательно! А припух я от пива. Ненавижу пиво, а вчера пришлось выпить литра два. Производственная травма.

— Ну, иди, травмированный, умывайся.

Через десять минут стажёр, умытый и причёсанный, как первоклассник, сидел за столом, нетерпеливо ожидая, пока Наталья договорит по телефону.

— Докладывай, акселерат. Вижу, что горишь от нетерпения.

— Почему акселерат?

— Это я так, своё, девичье. Докладывай.

— У Чмарова стопудовое алиби! Зуб даю.

— Зубы побереги. Почему стопудовое?

— Во время падения Промахова он пил пиво с мужиком по имени Васёк.

— Это могут подтвердить свидетели?

— Могут, но, скорее всего, не будут.

— Подробней.

— Когда Васёк смикитил, что я интересуюсь Чмаровым не просто из любопытства, он, под предлогом сходить... извините, отлить, о чём громко уведомил всех присутствующих, увёл меня за павильон. Там под большим секретом рассказал, как мужики трепались по пьяни, что какой-то

крутой перец хочет подставить Чмарова. Но как и где—Васёк не знает. Вот такие дела.

— А чего это твой новый друг Васёк так перед тобой разоткровенничался? А может, ты тоже «крутой перец»?

— Там ребята тёртые. Я думаю, что моя персона для него не загадка. А Чмаров ему друг. Вот он и подсутился.

— Может, он дурит тебя, а ты—«стопудово». А вот что это за «крутой перец» и зачем ему надо подставить твоего друга Чмарова?... Если эта информация правдива, конечно. Так, значит, он в это время как раз пил пиво с Васьком? В какое время?

— Да, и ещё несколько человек с ними. Кстати, Чмаров угощал. А время я посмотрел в протоколе осмотра места происшествия—четырнадцать сорок пять пополудни.

— Ладно... Молодец. Поработал как надо. Ну и как работа у оперов?

— Вредное производство. Молоко надо давать.

— Спохмелья? Разрешаю идти домой и выспаться как следует. Считаю, что отгул ты заработал.

— Спасибо, гражданин начальник. Кстати, подскажите своим друзьям-операм, что в этом павильоне такие колоритные личности ошиваются—пальчики оближешь. Если частым неводом пройтись, можно хороших карасей наловить.

— Ладно, скажу, Пинкертон. Во вкус входишь. Заразное это дело.

— Скорее на любителя. Как сыр с плесенью. Ну, я пошёл?

— Иди.

Немного потоптавшись у двери, стажёр нерешительно открыл створку шкафа и вынул оттуда... букет роз. Встряхнув и оценивающе взглянув на букет, положил его на стол Наталье. На недоуменный взгляд смущённо пробормотал:

— Это вам. В честь моего вступления в работу.

— Андрей... Что за штучки, простите?

— Это не штучки, Наталья Максимовна. Это розы.

— Я вижу, что розы. Немедленно заберите.

— Нет, Наталья Максимовна. Я знаю, что, когда на работу приходишь, положено проставиться. Обычно бутылку ставят. Ну не буду же я вам бутылку?... Вот я и решил, что вам больше розы подходят. Белые... Как тот тютя поёт. Ну, я пошёл.

— Ох и фрукт ты, Андрей Павловский. Как тот «тютя».

— Вот такой я... До свидания.

Наталья нашла в шкафу стеклянную банку, налила воды и пристроила розы на окне. Ближе к обеду в кабинет зашёл Смагин. Долго молча смотрел на букет, деталь, надо сказать, очень необычную в следовательской прокуренной комнатухе.

— Это что, благодарные подследственные?

— Да нет, так, один человек.

— Надо же. На меня клеязы и доносы пишут, а ей розы носят. Да ещё белые. Ничего устроилась. Ну, что у нас по Промахову?

— Стажёр в пивнухе потоптался. Говорит, у Чмарова железное алиби.

— А ты что, его уже в дело закрутила? Не рано? Тем более по значным местам. Пришибут где не-нароком.

— Шустрый, надо сказать, этот «пацан». Так вот, один из завсегдатаев пивного заведения доверительно шепнул ему, что кто-то очень хочет подставить Чмарова. Или это направленная «деза», или и вправду Чмарова, как бывшего зэка, хотя подрисовать под ситуацию. Операм надо бы поприглядываться к этой пивточке.

— Ладно, поприглядываемся. А ты покрути Промахова по окружению, по его занятиям. Мы ведь, по существу, ничего о нём не знаем. Промахов и Промахов. А может, он и сам парень был не промах? Может, квартира для Чмарова—это ложный след? На эксгумацию прокурор даст санкцию только при очень веских аргументах.

— Ладно. Я попытаюсь навести справки по Промахову.

— Так, говоришь, парнишка шустрый?

Наталья молча показала глазами на букет.

— Да...— Смагин выразительно повёл бровью.— Ты смотри...

— Да что вы, Михаил Васильич,—Наталья смутилась.— Юный пионер.

— Сама же говоришь—шустрый. А они сейчас знаешь какие? Подкрадутся—и охнуть не успеешь. Разбирайся потом.

— Да ну вас...

— Ну ладно, давай работай.

Смагин ушёл. Наталья ещё раз поглядела на букет. «И правда, что подумать могут. Надо этому пионерчику голову сразу вокруг повернуть, чтобы только прямо смотрел».

Катерину розы сразили наповал.

— Господи! Это кто же такой букетище?!—Катерина утонула лицом в бутонах.—А как пахнут! Это он?!

— Кто «он»?

— Не придуривайся. Так это он?

— Нет, не он. Это стажёр.

— Кто? Какой стажёр?

— Андрей Павловский, стажёр. Проставился так. Сказал, что это вступительные, вместо бутылки.

— Знаешь, милочка. Я хоть ещё молодая, но в мужиках кое-что понимаю. Женщине, которая не нравится, букеты роз не дарят. Сколько ему лет?

— Да пацан ещё. После юрфака.

— Если бы мне Мишаня подарил такие... Я бы... ему... Ух, что бы я ему! Небо в алмазах я бы ему!

— Скрыга твой Мишаня. Удавится он за такие розы.

— Ну вот...— Катерина на одну секунду обиделась. Но всего на одну секундочку.— Не скрыга он. Он хозяйственный... Домовитый.

Заезжая во двор дачи, Андрей увидел мелькавший в кустах малины вдоль забора белый платок Серафимы. Достав из багажника пакет с продуктами, Андрей захлопнул багажник и, не видя в кустах соседку, крикнул наугад:

— Серафима, здравствуйте.

— Здравствуй, Андрей,—Серафима неожиданно вынырнула совсем рядом.—Замучалась я с этой малиной. Уменя от неё давление, и есть её совсем не могу, а вот жалко—осыпается.

— Да плюньте вы на неё. Заходите ко мне, я пивка свежего привёз.

— Хорошо. Сейчас приведу себя в порядок и зайду.

Андрей быстро поджарил глазунью, настрогал огурцов с помидорами в большую толстостенную глазурованную чашку, под пиво поставил большие чайные чашки.

— Серафима... Вы где?

— Иду, иду.

Серафима принарядилась не на шутку. Льняное облегающее платье в стиле «кантри» эффектно подчёркивало фигуру, на ногах—мягкие туфли-мокасины жёлтой кожи, на запястье—браслет тёмного серебра. В руках—чашка с пирогами.

— Ну вы красавица,—Андрей, нарочито восхищаясь, оглядел соседку оценивающим взглядом.—Стиль выдержан до последнего штриха.

— Возражать не буду. Выдержать стиль—показатель вкуса человека. И не важно в чём: в одежде, в пирогах... Кстати, пироги со свежей капустой.

— Спасибо, давно домашнего не ел,—налил Серафиме полный бокал.—Так как вас по батюшке, Серафима?..

— Истратовна. А вас, Андрей?..

— Николаевич.

— Ну вот и за знакомство. Я уже знаю, что вы программист.

— А вы?

— Языковед.

— Я так и подумал. На маляра вы не похожи. А почему языковед в ссылке?

— Уточняю: в творческой ссылке.

— Пишете диссертацию на тему...

— «Говоры нижнего Приангарья».

— Интересно,—Андрей на секунду замолчал, вспоминая.—Как там? «Наши-то девки басче ваших... Нонеч как лызнулся...»

— Откуда вы знаете этот диалект?—Серафима от удивления отставила бокал с пивом.—Вы с Ангары?

— Да что вы! Вы бы сразу это учуяли. Просто несколько раз был в тех местах. Кежма, Мотыгино. Дело в том, что я на язык очень липуч. Стоит

мне чуть побыть в любой языковой среде, совсем немного,—я невольно начинаю попугайничать. Это со мной происходило и на Украине, и в Москве.

— Вы прирождённый лингвист. А вы на каком-нибудь инструменте играете?

— Нет, но слух у меня абсолютный. Меня режут по ушам грязные звуки. Я с трудом слушаю музыку современной эстрады, мне кажется, что она вся аранжирована на наждаке.

— Тонкий вы человек, Андрей Николаевич. Извините, а вы почему в ссылке?

— Надо спокойно разобраться в себе, вокруг себя. Проблем много скопилось, опрокидывающий момент возник.

— Это хорошо, что вы так пытаетесь разобраться в себе. Мой муж делал это с помощью водки.

— Почему «делал»?

— Потому что его уже нет. Всё. Разобрался и ушёл.

— От вас ушёл?

— Ото всех ушёл. Он умер.

— Простите, я не понял сразу. Пивка ещё?

Наталья уже собиралась уходить и запирала сейф. Это было непросто. Железное чрево, ровесник Феликса Эдмундовича, было упрямо, как осёл, и капризно, как женщина. На этот раз сейф повывламывался совсем немного и сдался. В дверь, как всегда—одной головой, заглянула Катерина:

— Наташ, тебя просят зайти в архив.

— Ну вот. Я чего, тут до утренней звезды опять париться буду?

— Ты там чего-то накосячила со сдачей документов.

— Да ничего я...

— Иди, иди, дитя неразумное... Иди, люди ждут.

Внутренне приготовившись дать отпор, Наталья решительно толкнула дверь. По архиву косяком табачного дыма и запахом оливы плыла откровенная пьянка. Пьянка-девичник, потому как мужиков не было.

— Наташка!—из-за стола к ней ломанулась уже изрядно поддатая Аня Михайлова.

Сзади в спину подталкивала Катерина.

— Ну ты, Катька, и коза. «С документами накосячила». Что, нельзя по-человечески?

— Не ругай её, это я. Да ты бы запаadlo какое-нибудь придумала и отвалила. Я тебя знаю,—Анька обняла Наталью и потащила к столу.—Давай проходи, уваж хороших девок нашего полка.

Аню ещё в прошлом году перевели в горууд, и в райотделе она бывала набегами. Шебутная, абсолютно беззлобная и необидчивая, Анютка была заводилой застолий и всяких шумных мероприятий. Таня и Люда, следователи ОБЭП, тоже порядком раскрасневшиеся, смолили в две сигареты.

— Ну вы и накурили, красотки. По какому поводу поляна?

— Садись, слушай. У нас тут бабье толковище. Анька с мужиком разводится.

— Да ты что?! Ни фига себе. Слушайте, вы что, серьёзно или придуриваетесь?

— Да какое «придуриваетесь»? Повариху себе нашёл!—Анька без перехода всхлипнула.

Приглядевшись, Наталья увидела, что выглядит Аня вообще-то жалко. Такое выражение бывает у женщин, когда они понимают, что уже надули, но ещё пытаются показать, что им всё по барабану.

— Да не может быть. Куда он без тебя, малахольный? Какая повариха?

— Выпей—расскажу. Ну, давайте, девки... Чтоб им всем карачун пришёл.

— Ну чего ты про всех-то? Мой Мишаня хороший,—Катерина отодвинула рюмку.

— Ну ладно. Только тем, которые козлы.

— Ну вот, другое дело. А то всех под одну гребёнку...

— Ой, молчала бы уж со своим Мишаней. Кстати, а чего это он тебя замуж не берёт?

— А я сама не хочу.

— Ты нам только лапшу не строгай, подруга. Не хочет она. Все мы не хотим.

— Анька, а он у тебя раньше по бабам ходил?

— Да вроде не замечала.

Серёга Михайлов был из тех мужиков, о которых говорят: ни украсть, ни покараулить. «Серёга парень неплохой, только ссытсы и глухой»,—так его язвительно охарактеризовала своим родственникам его любимая тёща. Аня вечно крутилась на двух работах, брала какие-то кредиты, занимала, с трудом отдавала потом долги. Жили в наёмной квартире, и занять свой угол не было практически никаких перспектив. Куда она только его не пристраивала. Работал даже гаишником. Уж такое хлебное место, деньги сами в руки лезли. Нет, ушёл. Заявил, что выть в этой стае в унисон не для него. В общем, третий ребёнок в семье. Трудный ребёнок.

— Так где он сейчас у тебя?

— Уже не у меня. Поехал вахтовым методом лес возить. Разведка донесла, что схлестнулся там с поварихой. А наемдни сам позвонил и сообщил, что на праздники не приедет. Спросила про медовый месяц—молчит... козёл! Значит, правда. Всё, развод!—Аня всхлипнула и отчаянно мотнула головой.

— Может, торопишься?

— Да правильно! Гони его к е... матери! Кому он на хрен нужен, косорукий?—Людмила ухмыльнулась.—Тоже мне—сокровище.

Дело в том, что и Таня, и Людмила уже давно в разводе. У обеих по ребёнку, но с мужьями не живут. Бывший муж Люды, майор милиции,—абсолютная её противоположность. Гусар и гуляка, после развода продолжает приходит к ней в гости вместе со своей мамой, сестрой и двоюродными

братьями. Приносит дочери подарки, какие-то продукты. Однажды даже набрался нахальства отметить у неё свой день рождения. Новую жену, правда, ни разу не приводил. Боится крутого нрава Людмилы. Ей всё это не нравится, но терпит ради дочери. Новый невенчаный «муж» тоже не возражал против их визитов, от знакомства со «старым» уворачивался и вообще старался держаться в стороне.

— Мой хоть и бабник был, но семью содержал как надо. А этот—чудо гороховое,— Людмила плюнула.— Скажи, ты без него сможешь детей тянуть?

— А кто их сейчас тянет?

— Ну вот и весь колер. На фиг тебе ещё один ребёнок?

— А вы знаете, что мой вернулся?— Татьяна сказала это тихо, как бы для себя, но эффект был что надо.

— Как вернулся?— у всех вытянулись лица.

— Вот так. Димка привёл за руку и сказал, что папа будет жить с нами. Иначе он убежит так далеко, что мы его никогда не найдём.

— Ну ты даёшь. Уже лет семь как прошло. А он что?

— А ничего. Смотрит как побитая собака... и молчит. Девчонки, я же его не люблю совсем. Он чужой... Да какое там «люблю»! Я на его рожу смотреть не могу! Как вспомню, как он...

— Ну дела... А спите вместе?

— А куда денешься? Ложится в уголочек, как суслик, и затихает.

— Ну, ты бы с Димкой поговорила. Он же взрослый, должен понять, что так жить нельзя.

— Пыталась. Он сразу в истерику. Орёт, что его дразнят и обижают, потому что отца нет и некому заступиться. Чего мне делать, девчонки?

— Дела...

— Да, красотки. Смотрю я на ваши проблемы и думаю...

—...И на хрена мне всё это нужно?

— Угадала с первого раза. Ещё пара таких девчинок, и я вообще никогда не выйду замуж.

— Девки, а вы знаете, что у неё воздыхатель есть?..

— Катерина!

— А что «Катерина»? Лучшим подругам могла бы и рассказать, что там за мужчинка возле тебя вьётся.

— Забыла, что в ментовке работаешь? Давно уже трёп идёт, что тебя мужик на «Жигулях» возит. Колись: стоящий мужик или так себе?— Татьяна безуспешно пыталась выловить пластмассовой одноразовой вилкой шпротинку в консервной банке.

— Он просто хороший знакомый. Отношений никаких. Он значительно старше, у него сложности в семье... И вообще—это не вариант.

— А вы знаете, что эту скромницу стажёр белыми розами засыпал?

— И об этом трёп ходит. Диапазон у тебя, девушка, от пионеров до пенсионеров.

— Вы что, собрались мои знакомства обсуждать? А пионерчику я башку откручу, чтобы не компрометировал.

— Не торопись. Подрастёт—может, и пригодится. Держи про запас.

— Ладно, хватит обо мне. Анютка, ты-то что надумала?

— Не знаю, девки. Выпереть—оно, конечно, никогда не поздно. Другого вот найти трудно. А я ещё молодая, мне ещё мужик нужен,— Аня сладко потянулась.— Подушку потом по ночам грызть. Не знаю. Приползёт на коленях—может, и прощу...

В дверь это чётко и настойчиво постучали.

— Кого это чёрт принёс?— Катерина вопросительно посмотрела на примолкнувших собутыльников.— Открывать?

— Чего прятаться будем?... Посмотри.

В приоткрытую дверь сунулся было стажёр, но, увидев компанию за живописно раскинутым столом, дёрнулся обратно.

— Ой, извините... Мне бы Наталью Максимовну.

— А вот и пионерчик. Заходи, чего испугался? Не укусим.

Наталья встала и вышла в коридор.

— Извините, Наталья Максимовна, я не знал... У меня срочное дело, и мне подсказали, что вы в архив пошли.

— Что у тебя срочного?

— Покушение на Чмарова. Увидел в сводке, навёл справки.

— Кто покушался? Какое состояние?

— Кто покушался—не сообщили. Врач по телефону сказал, что колото-резаное ранение грудной клетки. Состояние средней тяжести.

— Так... Твой поход в пивточку сдвинул ситуацию... Похоже, ты был прав.

— А чтобы эта версия была основной...

— Его попытались убить...

— Чтобы не выжал.

— Молодец, Пинкертон, мыслишь в струе. Ты сильно занят?

— Нет. Я схожу.

— Куда ты собрался идти?

— Ну как куда? Схожу в больницу, поговорю без протокола с Чмаровым, поговорю с врачом.

— Стоять! Смирно! Вольно... можно расслабиться. Шустрый пацан. Ты сходишь в пивточку, постарайся найти своего друга. Но ничего о Чмарове не расспрашивай. Даже виду не подавай, что интересуешься! Если сам чего расскажет—хорошо. Нет—молча отваливай. В тёмные углы не соваться, быть только на людях, только на виду. Я думаю, звон пошёл, и ты узнаешь чего-нибудь интересного. Цель-задача ясна? Иди.

— А Чмаров?

— Это моя задача. Для порядка завтра схожу. Будет молчать—ну и Бог с ним. Пусть полежит, подумает. Клиент должен созреть. Чтобы он что-то сказал,

его к этому надо подтолкнуть. А у нас с тобой пока ничего нет. Ясно?

— Ясно,— Павловский через плечо Натальи попытался заглянуть в приоткрытую дверь.

— А туда тебе ещё рано. Там старые и немного пьяненькие тётки рассказывают друг другу, чего тебе и знать не положено. Иди, иди, парнишка.

Когда Наталья вошла, все опять замолчали и вопросительно уставились.

— Да... Это стажёр,— Наталья коротко и выразительно глянула на Катерину.— Принёс новость по делу.

— Хорошенький стажёр. А чего так строго с ним? — Хорошеньким стажёрам надо головёнки-то сразу скручивать, пока шейка не окрепла. Потом поздно будет.

— А чего розы не вернула?

— Ну, девки. Вы меня уже совсем за стерву считаете. Мне было приятно.

— Во... — «девки» разом захохотали.— Всем приятно.

Чмаров молчал как рыба. «Кто ударил—не видел, за что—не знаю». Наталья и не настаивала. Молча подала протокол для росписи, Чмаров молча карябнул закорючку, даже не заглянув в текст. Врач сказал, что он пролежит не меньше месяца, и удивился везучести больного. Чуть-чуть в сторону, и...

— Вы уверены, что били на убой?

— Абсолютно. Просто вёрткий мужик оказался. Видимо, в последнюю секунду крутанулся.

— Ясно... Вы только держите его всё время в многолюдной палате, чтобы на глазах был.

— Бойтесь, что могут исправить ошибку?

— А чёрт его знает? От греха подальше.

— А что, он что-то натворил? Может, вы его забереёте, а то он тут моих кого покощает, как очухается.

— Не волнуйтесь. Ничего он не натворил. Просто кому-то надо, чтобы он замолчал. Лучше навсегда. А так он тихий. А сейчас ещё и напуганный.

Павловский из пивточки тоже ничего не принёс. Было видно, что новоявленный друг стажёра Васёк знает, что Чмарова порезали, но по теме—ни слова.

— За всеми этими козвыми делами стоит человек серьёзный,— Павловский безуспешно пытался пришить оторванную пуговицу на пиджаке.— Чмаров мелковат.

— Устами младенца...

— Ну Наталья Максимова...

— Ладно, не обижайся. Молодец, что быстро прощёк ситуацию. Похоже, выйдет из тебя толк...

— А бестолочь останется.

— Если не прекратишь перебивать старших по званию. Вот тебе адрес фирмы Промахова. Сходи, как будто ищешь работу. А я через ОБЭП их прозондирую. Давай пришью, а то без пальцев останешься.

Воронцов подсел к Андрею, долго молча, глядя в монитор, сопел. Сопение его было так привычно и по-домашнему уютно, что можно было задремать. Наконец встрепенулся:

— Пойдём покурим. Поговорить надо.

— Слушай, Андрюха, тебе не надоел наш Монея? — Монея Воронцов звал хозяйского управляющего Гроднянского.

— И что? Есть варианты?

— Есть. Я регистрирую свою фирму.

У Андрея чуть сигарета изо рта не выпала.

— Какую фирму?

— ООО «Вита». Компьютерные программы любой сложности. Взял кредит, закупаю оборудование, помещение в аренду. Мне нужен администратор.

— И ты мне предлагаешь...

— А кому больше? Маринка переходит, уже дала согласие, Саша Берёзкин, и беру ещё двух пацанов, выпускники политеха. Ты будешь за пахана, и считай это официальным предложением. По зарплате пока негусто, раскрутимся—будет густо.

— А Модест знает, что ты его кидаешь?

— Ни ухом, ни духом. Сурпрайз будет.

— Ну ты даёшь, буржуй.

— А что мы—глупее того фраера, что в Москве наши сливки слизывает? Ну так что? Кстати, у тебя нет знакомого юриста? Я твёрдо убедился, что юрист в фирме всегда себя обработает. Волки кругом, защищаться надо, Андрюша. Даю тебе на размышление два дня, до понедельника. Рот на замок.

— Да, ты меня загрузил не по-детски,— Андрей от догоравшей сигареты прикурил ещё одну.— А юрист знакомый у меня есть. Следователем сейчас в милиции работает.

— Мужчина, женщина?

— Молодая и красивая женщина.

— Переманивай. Молодые и красивые юристы женского пола, как правило, беспощадны и расчётливы. Нам сейчас нужна именно такая.

— Ты в плену стереотипов. Беспощадности в ней не видел.

— Значит, плохо ещё её знаешь. А вот Витя плавал, и Витя знает.

— Самоуверен ты стал, Витя, как в буржуи переметнулся.

— Наташ, привет. Я как-то читал одну статистику, так вот, оказывается, семьдесят процентов нормальных людей хотят изменить свою жизнь, но не знают, как это сделать.

— Я ненормальная.

— И вас устраивает ваша жизнь?

— Меня с детства приучали довольствоваться тем, что Бог дал. Не ходите кругами, колитесь.

— Я предлагаю вам бросить свой рай.

— И?..

— И занять достойное вас место.
— Чего вы опять придумали, неужённая душа?
— Это не я придумал, это мой друг Витя Воронцов придумал. Он придумал фирму по созданию компьютерных программ, и этой фирме нужен юрист. Я предложил ему вас.
— А почему вы считаете, что это лучше, чем то, что у меня есть?
— А что у вас есть? Погонны старлея, мизерная зарплата и гарантированное общение каждый день с деклассированными элементами. Зачем вам эта грязь? Я же вижу, что это не ваше.
— Много вы про меня знаете... Мне вот скоро капитана присвоят.
— И что?
— И то... — Наталья вздохнула. — Капитаном буду, вот что. Вы-то, конечно, тоже переходите к другу Вите?
— Да, администратором. Переходите, вместе работать будем.
— И что?
— Чаще вас видеть буду.
— Да... перспектива заманчивая. Весь день глаза в глаза. И через месяц вы узнаете, какая я гримза.
— Вы не можете быть гримзой. У вас глаза не гримзовые. Наташа, это официальное предложение. Я советую вам очень хорошо подумать.
— Мне сначала надо на вашего друга взглянуть.
— Да ради Бога. Когда за вами приехать?
— После пяти.

Витя Наталье понравился. Неторопливо прерывая свою речь уютным сопением, он рассказал блестящие перспективы процветания будущей фирмы «Вита». Наталья попросила неделю на размышления. Когда Андрей подкатил к Наташину подъезду, глаза упёрлись в зад знакомого «Жигуля».

— Наталья Максимовна, что я вижу?! А почему пешком?
— Боюсь. Честно признаюсь: боюсь.
— А как сюда приехала?
— Вот так и приехала. Ехала, и хвост трясся.
— Предлагаю себя в качестве инструктора. Беру недорого.
— Чем?
— Пирогам с картошкой.
— Идёт.

— Ну вот и доченька... Отец, гляди... И голова цела, и машина не разбита. Бывают же чудеса на свете! — Галина Михайловна, стоя в калитке, смотрела, как Наталья вытаскивает из багажника сумку. — Отец, иди глянь на своё чадо!
— Мама, ну чего ты? Да всё нормально, жива и здорова. Ну чего ты паникуешь?
— Я не паникую. Я просто уже неделю не сплю, всё жду звонка, что ты шибанулась где вместе с

этой лихорадкой! — Галина Михайловна, в сердцах махнув рукой, резко пошла в дом.
Максим Иванович, вытирая руки замасленной тряпкой, подошёл к машине, попинал колёса.
— Как конь?
— Конь как конь. Пап, да успокой ты её. Я езжу очень тихо, по стеночке, не больше сорока километров. Мне все плачут, пальцами показывают, что я баба-дура и моё место на кухне, а я, как каракатица, вылезла на дорогу. А я не обращаю внимания. Я же знаю, что все проходят через это, а кто пальцем показывает — сам дурак.
— Молодец, доню. Умая ты, а это в нашей жизни многого стоит. Как дела?
— Как, как... Приехала вот за советом.
— Тю-ю... Не замуж ли собралась?
— Да какое там замуж. Замуж меня пока не берут. Работу предлагают новую.
— Ну вот это уже совсем интересно. Закрывай свою тарактелку, — Максим Иванович подхватил сумку. — Никак капитанская звёздочка капает?
— Да нет, совсем даже наоборот.
— Даже так?... Сгораю от нетерпения.

Обсуждение был недолгим. Галина Михайловна всегда считала, что в милиции должны работать только мужики. Максим Иванович хоть и гордился тем, что его любимая доча работает следователем, но с ходу признался, что «юрист» звучит куда как серьёзней.

— Как я поняла, эта инициатива того же Андрея. Он всё так и вязнет следом?
— Мама, это слово абсолютно неприемлемо. Он не вязнет, он старается помочь.
— Не надо дыму напускать. Я вижу, чего он так старается. Глаза как у кота блестят.
— Стоп, Галочка. Разве это плохо, что наша дочь нравится мужчине? В её возрасте у нас уже пара внуков должна быть. Наталка, он тебе нравится?
— Не знаю, папа... Наверное, нравится, иначе давно бы шуганула.
— Да ты уже многих пошугала, — Максим Иванович вздохнул. — Не прошугай своё счастье. Принцы, они, знаешь, только в сказках водятся, а на нашей грешной земле всё куда как проще.
— Так что у него с семьёй?
— Живёт один, на даче у друга. Недавно познакомил меня со своим младшим сыном.
— Ну и как сыночек?

— Хороший сыночек, в папу. Учится в институте, голова на месте. Умный, ироничный, самостоятельный. На меня смотрел без злобы.
— Да... Не знаю, Натаха. Ты у меня девушка умная, смотри сама. Но честно тебе признаюсь: чего я больше всего хочу сейчас от жизни, так это внука. А ещё лучше — внучку. Махонькую такую, в платочке.
— Ладно, отец, не жалоби. А то сейчас все тут заревём. Сама смотри. Может, и есть смысл, если

и не для жизни, так хоть ребёнка себе родить. Смотри сама...

Написанный Натальей рапорт об увольнении лежал в столе уже второй день. Набраться смелости и отнести его начальнику следственного отдела у Натальи просто руки не поднимались. Кому он передаст кучу дел, накопившихся в сейфе, кому поручит присмотреть за стажёром, и кто вообще будет работать в отделе?.. Всё это походило на откровенное предательство. С какими глазами идти к Смагину, Наталья не знала. Но, как говорится, не Магомет к горе, так гора... Смагин, тяжело отдуваясь, зашёл в отдел, шумно придвинул ближе стул, сел и замер на минуту. Наталья молчала, опустил глаза. — Наталья Максимовна, из прокуратуры вчера звонили...

— Я знаю, Михаил Васильевич. Казьмин мне позже перезвонил. По Промахову, скорее всего, открываются новые обстоятельства, и, скорее всего, они дадут разрешение на эксгумацию. Михаил Васильевич, я вот тут...

Интонация, с которой было сказано, насторожила Смагина. Он быстро вскинул глаза:

— Что «тут»?..

— Я вот написала... — Наталья быстро достала из стола рапорт и положила его перед начальником.

Смагин, ментовская душа, мог бы и не смотреть на бумагу. Коротко взглянув на Наталью, он и без слов догадался, что она там такого «написала». Подтянув пальцем рапорт, коротко взглянув, тяжело упёрся взглядом.

— Вот от кого от кого, но не от тебя. Под дых бьёшь.

Помолчал.

— Я все понимаю: зарплата, работа собачья, обзывают нас по-всякому. Но ты же вроде зацепилась, нюх у тебя прорезался. Как же это, Наталья?

— У меня нюх прорезался замуж выходить, нюх у меня детей рожать да мужику щи вовремя варить. Михаил Васильевич, а вы бы захотели, чтобы ваша жена тоже в милиции работала?

— Опять ты под дых. Нет, Наташа, не захотел бы. Кругом ты права. Ладно, диспуты тут разводить. Ты хорошо и долго думала? Подумай ещё. Через полгода капитанская звёздочка упадёт.

— Хорошо и долго.

— Ну ладно, не ты первая, не ты и последняя. Хотя искренне тебе говорю: жаль. У меня на тебя другие планы были. Куда уходишь?

— Юристом, в частную фирму.

— Развелось этой гнили — на каждом углу.

— Ну почему же гнили? Время сейчас такое.

— Вот я и говорю — гнилое, — стрёб со стола рапорт, тяжело отдуваясь, встал. — Кстати, ты про мужика тут обмолвилась. Замуж выходишь? Что за человек?

— Нет пока никакого человека, но замуж выходить пора. И ребёнка пора заводить. Давно пора...

— Наташ... — Смагин жалостливо сморщился. — Может, пока не нашла никого, так поработала бы? Ты же понимаешь, положение — во... — он сделал резкий чирк по горлу. — А как кандидат появится, так сразу пожалуйста, иди и вари ему щи.

— А кто меня с местом ждать будет? Всё, Михаил Васильевич, я уже сломалась. От работы толку не будет.

— И тут ты права на все сто. Ну вот как такую умницу отпускать? Пойду сейчас и напьюсь, чтоб тебе совестно было.

— Не надо, товарищ подполковник. Спасибо вам за «умницу», спасибо за науку. Я вас всегда буду помнить как своего первого учителя.

— Ладно, не надо сантиментов. Худо будет в той гнилухе — приходи. Я тебя возьму не оглядываясь.

Не прошло и десяти минут, как прилетела Катерина.

— Наташка, это правда?!

— Что меня начальником РОВД назначили?

— Кончай дурить. Все уже знают.

— Тогда чего спрашиваешь?

— Ой, Наташка! Он тебе сделал предложение и приказал уйти из ментовки! Я угадала?

— Тебе бы женские романы писать, с продолжением. Не угадала.

— Наташка, ну не ври. Не могла ты так просто уйти. Ты перспективный следователь, до капитана уже доплюнуть можно. Нет, не могла ты без его помощи на такое решиться. Колись: он тебя в шоры взял?

— Ну почему взял? Скорее, предложил.

— Что? Работу или руку и сердце?

— Романистка. С сердцем надо осторожно. Не настолько я его знаю, чтобы о сердце говорить. Не забывай, что он женатый человек.

— Ой-ой-ой... Кого-то это сегодня останавливает? А чем ты хуже его жены? Почему ей можно с ним спать, а тебе нельзя?

— По кочану. Спать я с ним пока уж точно не собираюсь. Слушай, давай закроем эту тему. Умодействовал, и мне предложили должность юриста в частной фирме. Вот и всё. А то, что ты напридумывала, можешь в своём романе описать. А я вот пока рапорт написала.

— Ой, Наташка. Но без шуры-муры тут не обошлось. Это я уже нюхом чую, хоть ты и темнишь. Могла бы подруге и рассказать.

— Тебе бы всё шуры-муры. Катюня, какая же ты у нас любвеобильная. Играй, гормон, на всю катушку.

— А что, девушка я, как говорится, в самом соку. Пора пришла.

— Рапорт-то я написала, а вот что дальше?.. Ой, Катюха. Это ж я так, для понтов храбрюсь. А душонка трясётся. Куда иду, чего я там найду?

— Дуря ты, Наталья Максимовна, — Катерина вздохнула. — Иди и не оглядывайся. А чего ты тут найдёшь? Раскинь мозгами. Работая здесь, нужно только за мента замуж выходить. Нормальный мужик не поймёт ментовской службы. А за кого тут выходить? Один Мишаня, и того я заняла.

— Ну, пока он тебя замуж не зовёт, насколько я в курсе.

— Не в курсе. Уже позвал.

— Наверное, пистолет у него выманила и курок взвела?

— Представь себе, нет. Сказал, денег подкопит, и к зиме под венец.

— Ну, дай вам Бог. Очень буду рада за тебя. Ты честно выстрадала.

— Да уж... Героя России таким девушкам выдавать надо вместе с обручальными кольцами. Слушай, слушай, ну чего тебе Смагин — наверное, золотые горы обещал, говорил, что имеет тебя в виду для серьёзной работы и тэ дэ и тэ пэ? Да?.. Жди. Завтра всем гамузом опять пойдёте бичей из колодцев вытаскивать. Забыла, как блох из мундира вытряхивала?

— Бр-р... Как вспомню, аж мороз по шкуре. Спасибо, Катечка, добрая душа. Ты меня хоть согрела. А то сидю как сыч, ем себя по кусочкам. Стажёра вот куда бы ещё пристроить. Хоть объявление на столб: «Отдам стажёра в хорошие руки».

— Ты его в мои руки пристрой, — Катерина томно потянулась. — Уж я его направлю, уж я его отполирую по всем направлениям, особенно по части роз. — Ты Мишаню своего полируй. А пионерчика оставь для ментовских дел. Он уже копытом роет, в раж вошёл. А... вот и лёгок на помине.

Стажёр, ощутив на себе внимание сразу двух женщин, вспыхнул на секунду ушами и, коротко поздоровавшись, сел, уткнувшись в стол.

— Ну ладно, — искоса глядя на Павловского игривым взглядом, Катерина с грациозностью пумы встала. — Пристраивай юное дарование, а я пошла.

— Наталья Максимовна, я с утра с операми проскочил, они меня тут натаскивают... ну, в общем... чего почём. Я вчера на Промахова запрос в налоговую отправил.

— Андрей, обстоятельства немного изменились. Дело в том, что я... В общем, я увольняюсь.

— Вы?.. — Андрей замер с глупой улыбкой. — Как увольняетесь? Совсем?

— Да, уже написала рапорт.

— А я? А я с кем останусь? А Промахова на кого?

— С уходом одного человека ровд не умирает, Андрюша. Ты чего? Всех пристроят: и тебя, и Промахова.

— Она это и имела в виду? — показал глазами на дверь. — Это я юное дарование?

— Да не слушай ты её, такая уж она шалунья.

— Не надо меня никому пристраивать! И я не юное дарование! — Андрей, сжав кулаки, пошёл красными пятнами.

— Это что за крик?! Ещё не хватало. Ты что себе позволяешь?!

— Простите, Наталья Максимовна. Всё так неожиданно. А куда вы уходите? Вы в другое подразделение?

— Нет, я увольняюсь. Совсем увольняюсь и перехожу юристом в частную контору.

— Я не буду здесь работать. Наталья Максимовна, я только... Возьмите меня с собой!

— Не поняла. Куда «с собой»? Ты чего городишь?

— Ничего вы не поняли. Я только... Я с такой радостью на работу ходил... А вы...

— Андрей, тебе не кажется, что это детский лепет? — Наталья была просто ошеломлена реакцией стажёра. — Я не хочу больше работать в милиции. А ты ходи с радостью на работу. Говорят, «на работу с радостью» — это везение. Не каждому даётся. — Ничего вы не поняли... — Андрей опустил голову.

— Чего я опять не поняла?!

— Вы мне очень... нравитесь. Я когда первый раз вас увидел, ещё тогда, когда утром за вами шёл и не знал, что с вами буду работать, даже тогда сразу подумал, что это и есть моя женщина. Наталья Максимовна, я не могу вам это не сказать... я...

— Павловский, прекратите немедленно! Не могу я быть вашей женщиной. Я старше вас на... Я старше вас на целую вечность. О чём вы говорите? Это уже патология.

— Возраст тут ни при чём. Вы просто в плену у стереотипов.

— Это ты в плену у детской влюблённости, когда влюбляются в воспитательниц детского сада и учительниц. Очнись, парнишка. Если ты такой акселерат, то должен знать, что это через неделю проходит. Господи, кто бы услышал этот разговор — со стыда хоть застрелись. Андрей, прекрати! — Наталья встала, подошла в упор к столу стажёра. — Дай мне честное мужское слово, что разговоров на это тему до моего ухода больше не будет. Не позорь мои седины.

— Не волнуйтесь, Наталья Максимовна. Не будет больше разговоров. Я вам обещаю.

Наталья присела рядом на стул.

— Андрюша, ты хороший парень, и ты мне понравился как человек. Но ты пойми меня, я не могу тебе ответить ничем. Я для тебя уже старовата, мне давно пора замуж, мне детей надо рожать. Ну, ты меня понимаешь?..

— Всё понимаю. Ладно, Наталья Максимовна, переживу. Вы так ласково сказали: Андрюша.

— Павловский, равняйся, смирно! — Наталья резко встала. — Пока я ещё твой начальник, отправляю тебя в отгул за прошлое ночное дежурство. А то это не работа, а дурдом. Всё, свободен.

После ухода стажёра Наталья долго сидела под впечатлением происшедшего. «Во пионерчик, во даёт. Хорошо ещё при Катьке истерику не закатил. Вот был бы цирк. Этого мне ещё не хватало. Детский сад на прогулке. Ну Андрюша... Влюбился, гусар. Интересно, радоваться или огорчаться, что в тебя пацан влюбился? Хотя, надо сказать, немного даже приятно. Не такая я уж серая мышь и явно не гримза, тем более что и пацан не дурак, понимает, что к чему в этой жизни. Но ситуация абсолютно нереальная. А я, получается, ненормальная. Один Андрей старше, другой—моложе. А я—как роза в проруби. Да...»

Начальник райотдела попросил Наталью поработать ещё пару недель, закрыть кое-какие мелкие дела.

— Вы уж подумайте, Наталья Максимовна, за это время. Нам не хочется отпускать перспективного работника. С кадрами, сами понимаете...

— Я долго думала, товарищ полковник. Вопрос для меня решённый.

— Хорошо, неволить не буду. От подневольной работы толку всё равно нет. Как вам стажёр?

— Парень молодец: хваткий, умный, логика развита. Увлекается только, надо притормаживать.

— Хорошо, присмотрим. И нюх поставим, как Смагин говорит. Идите работайте и думайте.

Дело по самоубийству Промахова передали другому следователю. Андрей в кабинете почти не находился, а в краткие заходы больше молчал.

— Андрей... не таи обиду. Чего примолк?

— Это не обида, Наталья Максимовна, это грусть. Я, конечно, понимаю, что это не последнее моё разочарование в жизни, но всё равно грустно.

— Не придумывай себе ничего, фантазёр. Всё гораздо прозаичней и проще.

— Да ладно. Переживу эту грусть. Буду радоваться за вас, если всё будет нормалёк. А можно вопрос?

— Я уже боюсь твоих вопросов.

— И всё-таки. Вы что, никого не любили, коль до сих пор не замужем?

— Я же тебе уже сказала, что в реальной жизни всё гораздо прозаичней. Ты думаешь, если ты кого-то полюбишь, то сразу женишься на ней, вы будете сто лет жить счастливо и умрёте в один день?

— Вы уходите от ответа.

— Ну ты и фрукт. Однозначного ответа на твой вопрос просто не может быть. Кто-то мне нравился, да я ему нет, были предложения, да я ещё не была к этому готова. Звёзды должны на небе в кучку собраться, чтобы это случилось.

— А кто вам скажет, что они собрались?

— Я думаю, что сердце должно подсказать.

— А я думаю, за это бороться надо, а не ждать. Можно всю жизнь прождать и не дожждаться.

— Не согласна. Бороться, конечно, надо, но не за это. Хотя...— задумалась.— Может, ты и прав.

Страдранное счастье дороже. Не знаю... Всё! Андрей, дай мне спокойно доработать.

— Да ради Бога. Я же дал слово. Надеюсь, мы останемся друзьями?

— Конечно. Очень хочу, чтобы тебе встретила хорошая девчужка. Только чтобы умненькая. С глупыми не общайся.

— Глупых не люблю. Вы вот умная.

— Андрей...

— Молчу, молчу.

Витя Воронцов, оказывается, не такой уж и мишка плюшевый. В работу вцепился как клещ. Новоявленных сотрудников зажал в такой кулак—ни вздохнуть, ни выдохнуть.

— Мы должны показать своим клиентам, что обязательность и порядочность в нашей фирме абсолютная. К нам приглаждаются, и если лоханёмся изначально, так и приклеится.

Наталья, после уголовных дел в родной милиции, ложилась спать в обнимку с гражданским правом и просыпалась с ним. Витя чётко определил приоритеты:

— С криминалом бодаться не будем, платим всё, что определили, так себе дешево будет. А этих шакалов, что называют себя контролирующими службами, фильтруйте по полной программе. Защищайтесь от них законами. Я им в лапу ни копейки не дам.

Наталья, когда вникла в смысл всего комплекса обдираловки, с удивлением обнаружила, что разумнее и человечней всех берёт рэкет. Они точно определяют подъёмность своих поборов, с расчётом того, чтобы не валить дойную корову. А вся чиновничья свора работает только на убой. Они не знают, сколько времени им дано обдирать, потому и не думают о завтрашнем дне. И ещё одно откровение: оказывается, гражданские законы всех уровней построены по принципу «казнить нельзя помиловать». Расстановкой запятой можно и защищаться, и нападать. Необходимость крутиться заставила Наталью научиться ездить на своём «Жигуле» за пару недель. Уже никто ей не показывал, что она спутала машину с поварёшкой.

Андрей тоже пахал как каторжник. Жил на даче, по вечерам иногда беседовал через забор с Серафимой. Отношения с Натальей остановились на стадии редких разговоров. Андрей несколько раз заходил домой и каждый раз всё больше убеждался, что ситуация заходит в тупик. Женья впала в психологическую кому. Абсолютно пустые глаза, апатия, говорит медленно и неохотно. На предложение пойти в больницу молча показала на дверь. Андрей приводил, как ему казалось, веские доводы в пользу лечения, но его слова падали в вакуум. В доме идеальная чистота, в холодильнике много продуктов, но дом был пустой. По дороге на дачу Андрей взял бутылку и вечером всю её

выпил. Неожиданно, без приглашения, что было несвойственно Серафиме, она постучала в дверь и, не ожидая ответа, вошла. Молча села напротив. Андрею стало стыдно, что он в таком виде, он неуклюже попытался оправдываться, но Серафиме не нужны были его оправдания. Она и не слушала, что он говорил. Она молча смотрела на него мудрыми глазами степного идола, что скифы ставили на холмах. Серафима смотрела на Андрея, как доктор смотрит на больного, в уме определяя диагноз и не говоря его до времени пациенту.

— Серафима, вы почувствовали, что мне плохо?
— Да, Андрей Николаевич. Ваша душа плакала, и я это слышала.

— Вы жрица?

— Я женщина.

— А та женщина, от которой я пришёл, смотрит другими глазами.

— Все женщины разные. Но почти все несчастны. Их надо жалеть.

— А меня? Меня не надо?

— А вас не надо. Вас жалость унизит. Вы сильный. Вы победите.

— Серафима... мудрая змея. Откуда вы всё про меня знаете?

— Мужчины — они как открытые книги. Надо немного усилий чтобы читать эти книги.

— И что вы прочитали в моей?

— Отпустите свою женщину. У неё другая дорога. У неё другая судьба. Вы связаны, но давно уже идёте разными дорогами. Отпустите её, и она спокойно доживёт свой век.

— Это будет честно с моей стороны?

— Да. Ей совестно из-за вас, это её мучает, и ей от этого плохо. Скажите своей женщине, что вы её отпускаете, и она успокоится.

— Спасибо, Серафима. Вы ясновидящая?

— Я ясноглядящая.

— А вы счастливы?

— А что такое счастье?

— Честно, я не знаю.

— Вот и я не знаю. Андрей Николаевич, ложитесь спать. Утро всё расставит по своим местам.

Серафима ушла. И Андрей почувствовал, что душа словно вернулась на своё место. Она удобно улеглась там, где всегда лежала. Ей стало уютно, тепло, и она затихла. Это было так приятно и неожиданно, что Андрей в ту же секунду провалился в сон. Лёгкий, чистый, светлый. Сон маленького мальчика, у которого и огорчений-то не должно быть.

А Наталья в тот вечер не могла уснуть чуть не до полуночи. Неожиданно накатила острая тоска по райотделу. Вспомнились прокуренный кабинет, кудрявая голова Катерины, её хитромудрый Мишаня, вечно сонный Смагин. Вспомнился добрейший прокуренный Мищневич с его неуклюжей

заботой, практикант Андрюша. Как он там, что за ним присматривает? От тоски и острой жалости к себе немного и поплакала. Жалко было всех: и родителей, переживающих за неё, и Андрея, неприкаянно мотавшегося на чужой даче. Может, это судьба, и не надо противиться? Катерина, мудрая своей практичностью, не сомневалась бы ни минуты. Бог дал — бери и не сомневайся, Он лучше знает, кому что давать. И Наталья для себя решила, что пора приглядываний прошла. Может, эта встреча всё-таки судьбоносна? Если раньше на детей она смотрела спокойно, то сейчас ощущение материнства начало просто выпирать. При виде ребёнка, а особенно грудного ребёнка, внутри всё замирало, хотелось взять его на руки и прижать к этому сладко пахнущему свёртку. Природа взбунтовалась, и с этим уже ничего не поделаешь.

Утром в комнатухе, где сидели программисты, никого, кроме Андрея, ещё не было. Маринка, как всегда, опаздывала, а парни вчера работали за полночь и сейчас отсыпались. Наталья тихо подошла сзади и положила Андрею руки на плечи. И сразу почувствовала, как он напрягся. Что надо говорить, она не знала, и пауза затягивалась. — Наташа...

Наталья молчала.

— Наташ... Я вчера был дома. А потом напился, как свинья.

— Помогло?

— Наверное. Она меня отпускает. Я ей больше не нужен.

— Она сама тебе это сказала?

— Нет, Серафима.

— Это кто, святая?

— Да, почти. Она ясноглядящая.

— И она это увидела?

— Увидела и мне сказала. Наташ...

— И что ты решил?

— Мне важнее, что ты решила.

— Я... Я почти решила.

— И что тебя останавливает после «почти»?

— Не знаю. Совесть, наверное.

— И всё? Хотя... Совесть — это тоже много.

Андрей резко встал, повернулся и обнял Наталью за плечи. Ощущение было столь необычным, что Наталья замерла в его руках, как испуганная птаха.

— Наташ... Я...

— Андрей, не торопи события. Я многое для себя решила, но дай мне ещё чуть-чуть подумать.

Наталья набрала бумаг по согласованию в самую дальнюю точку и, стоя у окна автобуса, бездумно глядела на пробегающий пейзаж. Безликая, серая окраинная застройка — как бесконечное кино. Смотреть можно долго и бессмысленно. Магазины, ларьки, раскопанные траншеи. На козырьке автобусной остановки ровные красные буквы:

«Остановка автобуса „Улица Жукова“». Улица Жукова... Улица Жукова, тринадцать, квартира пятьдесят шесть... Это же адрес Андрея! Жукова, тринадцать — пятьдесят шесть. Нарботанная милицейская привычка запоминать детали, случайно попадавшие на глаза, сработала, и Наталья чётко вспомнила сочетание букв и цифр, увиденных однажды при заполнении документов. Остановка медленно поплыла за окном.

— Остановите! Остановите, пожалуйста, я проехала свою остановку,— Наталья суматошно застучала в окно водителя.

Скрипнули тормоза, двери зашипели, и Наталья шагнула на ступеньки.

— Тетёха сонная,— получила вслед от кондуктора.

Решение поговорить с женой Андрея вспыхнуло так быстро и так толкающе, что сопротивляться было уже невозможно. Дом тринадцать был почти рядом с остановкой. Наталья торопилась, словно от быстроты того, что она хотела сделать, зависела вся её дальнейшая жизнь. Очнулась только у двери с табличкой «56». И, чтобы отрезать себе пути к отступлению, резко нажала на кнопку звонка.

Долго, мучительно долго за дверью не было слышно никакого движения. Энергия рывка тихо таяла, и Наталья каким-то дальним уголком души уже начала жалеть о содеянном. Всё, надо уходить. Быстрей уходить.

Но дверь неслышно и тихо приотворилась. В узком проёме стояла женщина в махровом блёклом халате и молча смотрела поверх узких очков. Обычно такие очки надевают только для чтения. Взгляд был очень спокоен, скорее даже— равнодушен. Наталья стояла и не знала, с чего начать. Ступор прочно впаял её в коврик у двери.

— Вам, вероятно, нужен мой муж, Андрей Николаевич? Так он здесь больше не живёт,— женщина говорила тихо и бесцветно.— Съехал он.

— Да вы знаете,— голос охрип, и Наталья пришлось прокашляться.— Скорее всего, мне нужны вы. Вас зовут Евгения?

— Да, Евгения Борисовна. А вы кто?

— Я... Дело в том, что я...

— Я догадалась,— Евгения покачала головой, и в её глазах мелькнуло некое подобие интереса.— Не утруждайтесь в объяснениях. Миша мне рассказывал о вас. Так, правда, в общих чертах. И что вас привело сюда?

— Как вам сказать... Вы знаете, наверное, совесть.— Совесть? Это интересно... Это интересно. В таком случае заходите. Совесть нынче в дефиците.

Проходите, проходите, не бойтесь, я не кусаюсь. Вам, наверное, Андрей рассказал обо мне всякие страсти-мордасти. Не опасайтесь, я тихая, я не укушу.

Евгения шагнула в глубь коридора, освобождая проход. Наталья несмело шагнула и остановилась сразу за дверью.

— Знаете что, проходите сразу на кухню, там удобней. Гостевые шлёпанцы,— подвинула ногой шлёпки с помпончиками.— Проходите, а я пока чай поставлю.

Когда Наталья вошла, Евгения сидела за столом, чайник тихо шипел.

— Значит, вы любовница моего мужа? Интересно... — Евгения Борисовна, чтобы наш разговор вообще состоялся, давайте сначала расставим всё по местам. Во-первых, я не любовница вашего мужа. Нас объединяет только случайное знакомство, и больше ничего. Правда, мы сейчас работаем вместе. Он предложил меня Вите Воронцову, и я согласилась пойти в их фирму в качестве юриста. Во-вторых, никаких ужасов Андрей Николаевич мне о вас не рассказывал. Просто я знаю, что вы есть и что вам плохо. И вместе с вами и ему плохо. И всё. А почему я пришла...

— Вы тут что-то о совести упоминали. За что она вас тогда гложет, коль вы абсолютно не грешны?

— Я вижу, что я ему нравлюсь. Вначале, узнав о вашем существовании, я категорически отвергала все его поползновения, а сейчас... А сейчас я чувствую, что начинаю помаленьку сдаваться... Зная о вас и о вашем состоянии... — Наталья замолчала. Вздохнула.— Я не знаю, что мне делать. Я пришла у вас спросить.

— Интересное кино. И телевизор смотреть не надо. А вы смелая женщина. Мишка говорил, что вы миллионер? Это заметно по вашей решительности.— Была. После юрфака работала следователем. А смелой себя назвать не могу. Я просто ехала мимо, увидела вашу остановку. И мгновенно вспомнила адрес Андрея Николаевича. А дальше всё на взрыве. Если бы вы ещё минуту не открыли дверь, я точно бы убежала.

— Ваша правдивость подкупает. Вы всегда такая откровенная? Как же вы работали в милиции? Там нельзя говорить что думаешь.

— Там тоже разные люди работают. Надо везде оставаться самим собой.

— Так, значит, ваша совесть не даёт вам сделать шаг, к которому вы уже готовы. И вы решили у меня спросить, не отпущу ли я вам ваш будущий грех.

— Если вы скажете, что я стерва, я не сделаю никаких шагов. Мама мне уже сказала, что только стервы так поступают.

— Хорошая у вас мама. Честно, завидую. Значит, вы не хотите быть стервой...

Евгения пристально смотрела на Наталью, удивляясь ситуации. Это надо же... К ней, прямо домой, пришли за благословением на её законного мужа. И не какая-то охотница на мужиков. Симпатичная женщина, честная и открытая. Евгения остро позавидовала ей. Позавидовала её чистоте, позавидовала, что у неё такая мама. Что бы сказала в такой ситуации её мама, предположить трудно.

И вот сидит эта в общем-то симпатичная ей женщина, смотрит на неё своими серыми глазами и ждёт, как она, Евгения, поступит. По совести, по-человечески—или как многие женщины по отношению к другим женщинам.

— Как вас зовут?

— Наталья... Максимовна.

— Знаете что, Наташа? Я старше вас, потому так и обращаюсь. Несмотря на комичность ситуации, вы симпатичны мне. Вы честны и открыты, что не так уж и часто в нашем бабьем мире. Так вот... С Андреем мы уже давно чужие друг другу люди. Любовь... она так непрочна, призрачна. Дети выросли, а мы... Мы как-то оказались на разных берегах. Много моей вины. Эта дурацкая болезнь... Да и он не святой. Он такой, как и все мужики. Не лучше и не хуже, и не идеализируйте его. Хотя... особых претензий у меня к нему нет. Просто он мне больше не нужен, так же как и я ему. Вот и всё.

Евгения бессмысленно выводила вензеля на скатерти чайной ложкой. Вздохнула как-то по-бабьи, жалостно, но тут же, исправляя секундную слабость, встряхнулась, поправила причёску.

— Пусть вас совесть не мучает. Я не беспомощная и брошенная женщина. У меня, как вы видите, всё в порядке. Просто мне никто не нужен. Вообще никто! Я могу спокойно существовать только одна! Понимаете?! Только одна и в своей оболочке!— было видно, что Евгения внутри начала накаляться.— Всё! Простите, Наташа, но вам нужно идти. Я хочу быть одной. Идите спокойно, он мне не нужен. С ним мне ещё хуже. Берите его. Всё, всё, всё!! И делайте с ним что хотите. Всё! До свидания.

Выйдя из подъезда, Наталья присела на скамейку. Ноги мелко и противно вибрировали, в орту пересохло. Абсолютно не свойственный ей спонтанный поступок отнял все силы. И вместе с тем камень с души тихо пополз вниз. По крайней мере, маме в глаза можно смотреть спокойно. Наталья уже хотела вставать, как неожиданно какая-то бродячая собачка уселась напротив и пристально уставилась на неё.

— Привет. Тебе чего?

Собачка, наклоня голову то влево, то вправо, облизнулась.

— Ты есть хочешь, вот что.

Порывшись в сумочке, нашла конфету.

— Ну, на. Больше у меня ничего нет.

Собачка очень аккуратно взяла конфету с руки и, запрокидывая голову и закрывая глаза, стала жадно грызть.

— Ну ладно, собачка, я пойду.

В это время открылась дверь... и вышла Евгения.

— Вы ещё не ушли?

— Собачку кормлю.

— Да, Наталья Максимовна,— Евгения подошла, присела рядом.— Вы как-то след в след за мной

идёте. Дело в том, что я всегда сижу на этой скамейке и на этом месте.

— Да я могу и пододвинуться. Я же не знала, что это ваше место.

— Сидите, сидите. Мало того, я именно эту собачку и прикармливаю.

— Ну вот уж с собачкой...

— Да ладно, это я так, параллели провожу.

— Я, пожалуй, пойду. А то что-то наши параллели часто пересекаются.

В пятницу Наталья допоздна работала и в Зубовку поехала рано утром в субботу. Шоссе было абсолютно пустое, и Наталья прижала газ покрепче, чем обычно. Поймала себя на мысли, что ей стало нравиться быстро ездить. Она, конечно, понимала, что это от лукавого, но иногда желание было выше разума. И как можно было называть машину бездушной железякой? Чем больше Наталья ездил, тем больше одушевляла свою «Жигулю». Да, действительно, когда на улице дождливо и холодно, она неохотно и откровенно лениво заводилась, вяло разгонялась и вообще была не в настроении. У её «Жигули» был чисто женский характер, нелогичный и непредсказуемый.

Дома мама встретила выговором:

— Вчера чуть не до ночи бегала от окна к окну. От твоей чёртовой машины всё время душа неспокойна. Чего не приехала?

— Mam, так работа. Пахала вчера, как раб.

— В милиции работала всё время, как раб, ночь да полночь, и сюда перешла—то же.

— Mam, но там была служба, а здесь надо деньги отрабатывать.

— Что-то не видно твоих денег.

— Начальник обещает, что будут. Ждём-с... А где наш папаны?

— Корову в стадо погнал. Пастух опять запил, некому собирать, один подпасок остался. Пьют все поголовно.

— Mam, а я позавчера была у Евгении.

— У кого?

— У жены Андрея.

Галина Михайловна села на табурет, опустив руки.

— Господи... Наташка, ты что, сдурела? Зачем ты ходила к ней?

— Мама, я так не могу,— Наталья вздохнула.— Надо определяться. Или гнать окончательно, или...

— Что «или»?

— Не знаю, что «или». Неплохой мужик, можно и полюбить.

— Любят не за то, что плохой он или хороший. Любят, потому что любят.

— Раньше я просто гнала его, не задумываясь, потому что он был чужой муж!

— А сейчас он что, не муж?

— Вот я и выяснила, муж он или не муж.
— И что выяснилось?
— Она сказала, что они абсолютно чужие друг другу люди. Она сказала: «Забирай его и делай с ним что хочешь». Она очень несчастная женщина.
— Ну вот видишь. Ты хочешь, чтобы она была ещё несчастней?
— Она видит, как он мучается, и ей от этого ещё хуже.
— Это она тебе сказала?
— Да. Так и сказала.

Галина Михайловна, перебирая в руках полотенце, молча посидела в своих думах. Встряхнулась.
— Да, действительно несчастная. Мне надо с ней поговорить.

— Тебе? Мам, ну ты-то здесь при чём? Да она с тобой и говорить не будет.
— Много ты понимаешь. Всё, я решила, так и будет. На неделе приеду, ты меня к ней свозишь. Всё, кончен разговор. Вон и отец пришёл. Ему ни слова, поняла?

— Поняла. Лучше бы тебе не рассказывала.
— Дурочка.

— О... А я ещё издалека наш «Жигуль» разглядел. А чего вчера не приехала?— Максим Иванович поставил палку-погонялку в угол веранды, подошёл, поцеловал Наталью.— Мать тут уже и Боженку, и чертей вспоминала.

— Работа, пап. Как дела?
— Так как?.. Пастушу вот. Мужики как с ума посходили, пьют по-чёрному. Как у тебя дела?— Максим Иванович, отдуваясь, устроился за кухонным столом.— Галя, чайку холодненького нацеди мне. Запарился с нашей Майкой. Харáктерная коро-вёнка, вся в хозяйку.

— Ладно тебе. Зато удоистая. И молоко— чистые сливки.

— Так как дела у моей дони?
— Ты о каких делах, папочка?
— Не дуркуй, ты знаешь о каких.
— Всё идёт своим чередом.

— Чего привязался к девочке?— Галина Михайловна поставила кружку с чаем.— Пей свой чай да приляжь, отдохни. А ты, красавя, живо переодевайся, завтракай, и будем убираться. В доме— как в хлеву.

— Приехала доня к маме отдохнуть. Фельдфебель, чисто дело.

Максим Иванович, шумно выпив залпом кружку чая, пошёл в боковушку. Кровать под ним жалобно скрипнула.

— Наташ, так как у тебя с твоим?..
— Да никак, пап. Пока никак.
— Ну чего, он решает свои проблемы?
— Наверное...— Наталья переглянулась с матерью. Та приложила палец к губам.— Не до этого сейчас. Работаем по двенадцать часов. Период становления— самый трудный.

— Ну-ну. А жизнь проходит. Внуков на руках ещё не держал— разве это дело? А у вас становление. Ох-хо-хо...

В понедельник Наталья с утра уехала в городскую администрацию и в фирме появилась только к обеду. Прямо посреди большой комнаты стоял стол, уставленный бутылками с шампанским, фруктами и разными вкусностями.

— Наташа, молодец, как раз вовремя! Ну, всё. Можно начинать, все в сборе.

Публика была слегка возбуждена. Маринка подбегала раскрасневшаяся:

— Наташ, представляешь, а у нас сегодня неожиданный праздник— первая получка. Мой руки— и к столу. Быстренько, быстренько... Товарищи мужчины, открывайте шампанское.

Захлопали пробки, и пока Наташа приводила себя в порядок, разнокалиберные кружки уже были налиты. Витя, на правах хозяина, вышел на середину.

— Уважаемые коллеги. Я специально слегка затянул это знаменательное событие, чтобы вы все прочувствовали, какая зарплата будет у вас, если мы будем работать с полной отдачей. Поработали мы неплохо, и вот результат. Главная задача на сегодня— создать имидж фирмы. Имидж надёжной, обязательной и квалифицированной фирмы. Мы к этому идём, и мы этого достигнем! Ура, господа-товарищи!

Публика дружно подхватила. И, как бывает на таких междусобойчиках-корпоративах, скоро все разделились на группы по интересам. Наталья стояла с женщинами, бурно обсуждавшими, как ловчее потратить деньги, Андрей— с молодыми парнями. Один, жестикулируя, что-то рассказывал, и все хохотали через каждую минуту.

Витя подошёл с двумя бокалами и увлёк Наталью в сторону.

— Наталья Максимовна, поздравляю вас,— поддал бокал.— Подойдите к Тамаре Григорьевне и получите ваш конверт,— наклонился ближе к уху Натальи.— Вы молодец, Наташа. Ваша хватка мне очень нравится. Вы не зря побывали в шкуре следователя. Как вы их... Ух, прямо иногда завидую. Я с удовольствием буду с вами работать ещё лет сто.

— Спасибо Виктор Константинович. Я стараюсь.— Я вижу. И ещё... Очень хочу, чтобы вы подружилась с Андреем.

— А мы и так дружим.

— Не надо, Наташа. Вы прекрасно понимаете, о чём я. Андрей очень хороший человек, и я хочу, чтобы он был счастлив. А вы как раз та женщина, которая может его осчастливить.

— И я не против.

— Да?... Так в чём же дело?

— Там есть то, через что я не могу перешагнуть.

— Вы имеете в виду Женю? Так, насколько я знаю, у них уже давно нет никаких отношений.

— Отношений нет, а Женя есть. Живая, не очень здоровая, но очень несчастная женщина.

— Вы так прониклись её судьбой?

— А вы хотите, чтобы я думала: так ей и надо?

— Да вы что! Да не приведи Господи! Я её давно знаю, знаю её очень непростой характер и, поверьте, сочувствую ей не меньше вашего. Просто у каждого своя судьба, и с этим надо мириться.

— Чтобы спокойно спать, надо стараться меньше поступать не по совести.

— Ваша праведность может вас...

Подошёл Андрей.

— Привет. Чего празднику не рады? Сделайте лица попроще, и люди к вам потянутся. Я вот уже потянулся. Наташа, ты рада оценке своей деятельности?

— Безумно рада. Ещё бы посмотреть, сколько там мне отвалили. Будем стараться, господин-товарищ директор!

Витя, откланявшись, ушёл.

— Наташа, ты чего так напряжена? Случилось что?

— Сегодня нет. На прошлой неделе—да.

Андрей, наклонив голову, заглянул Наталье прямо в глаза:

— Что?

— Я была у твоей жены.

— Ты? У Евгении?

— А что, у тебя есть ещё одна жена?

— Не шути. И чего ты пошла к ней?

— Да я и сама от себя такого не ожидала. Как-то на рывок получилось. Ехала в автобусе, увидела остановку «Улица Жукова», вспомнила: Жукова, тринадцать, квартира пятьдесят шесть... и взрыв. Очнулась—и начала трусить, уже у двери, когда нажала на кнопку звонка.

— Да... Вот уж не ожидал, — Андрей вытер со лба пот. — Ну и что у вас за разговор был? — изумлённо: — И она тебя впустила в дом?

— Представь себе, впустила. Поговорили. Расстались очень мирно.

— Фантастика. И чего она обо мне говорила?

— Она сказала, что ты такой же мужик, как и все, что ты ей абсолютно не нужен и я могу делать с тобой всё, что хочу.

— И что ты хочешь?

— Хочу привыкнуть к этой мысли.

— Ну так привыкай скорей. Я свой конверт уже получил. Пойдём в ресторан, пропьём его и... Хватит тебе одного вечера привыкнуть к мысли, что я свободен и твоя совесть абсолютно чиста?

— Много вопросов для одного раза. Не торопи меня, Андрюша. Я ещё не созрела для такого решения.

— «Андрюша» — это уже теплее, — Андрей приобнял её одной рукой за талию. — Наташ, скажи ещё раз: «Андрюша».

— Андрюш, пойдём в люди, а то скоро все на нас будут смотреть.

— Да и пусть глядят. Так идём в ресторан?

— В ресторан идти готова.

— А потом?

— А потом — суп с котом.

Наталья подошла к крыльцу райотдела и остановилась. Сердце мелко забило. Она не была здесь уже больше месяца. Новая работа, новая жизнь... Всё так захлестнуло и заполнило паузы, что воспоминания о недавней работе почти не приходили. Но вот что-то щёлкнуло внутри — и потянуло так, что удержаться стало почти невозможно.

Дежурный узнал сразу и расплылся в улыбке: — Наталья Максимовна, какими судьбами? Случилось что?

— Случилось, Саша, случилось. Заскучала по нашему раю. Пропустишь по старой памяти?

— Да какой разговор? Проходите.

Пока шла до кабинета, перездоровалась со многими. Вот и дверь с табличкой «№12». До боли знакомая и почти родная. Много чего за этой дверью было: и неудачи были, и слёзы, и радость первых побед. Кто там за ней? Оказывается, никого. Дверь закрыта. Ну что же, есть запасная аэродром. Катерина чуть не завизжала, увидев входящую Наталью:

— Наташка-а!

Выскочила из-за стола, восхищённо оглядывая, кошкой пошла вокруг.

— А какая лощёная, а какая буржуинка! Наташка, там всех так полируют?

— Да ладно тебе. Ты просто видела меня всегда в форме. А форма — она и есть форма.

— Ну не скажи. Буржуйский лоск я за километр вижу. Молодец... девка. Горжусь знакомством с такой бизнес-леди. Я сейчас рот раскрою, а ты рассказывай!

— Да и рассказывать особенно нечего. Соскучилась я по вам. До тоски заскучала.

— Тю-у... Нашла о чём скучать. Заскучала она... И ведь не позвонила ни разу, стервь ты этакая. Деньжищи, наверное, лопатой гребёшь. Не то что мы, нищета тоскливая.

— Особых денег пока нет, но... не сравнишь, конечно. Как тут у вас — все живы-здоровы?

— А чего им сделается? Слава Богу, стрельбы не было.

— Как мой стажёр?

— Не стажёр он уже, а лейтенант. Нормально живёт твой стажёр, шустрый пацан. Ребята говорят, правильный мент растёт. С утраца видала, шнуровался тут по коридорам. А чего это ты сразу о нём? Как у тебя с тем мужиком, лучше скажи?

— Всё так же. Дружим.

— Дружите под одеялом или на скамейке?

— На работе. Иногда на скамейке. Да, честно говоря, особенно и дружить некогда. Работаем как лошади, без выходных и праздников. Лицо зарабатываем.

— Лицо вширь твой хозяин заработает. А ты себе заработаешь гастрит и стародевичество.

— Болезнь ты какую-то новую придумала.

— Эта болезнь стара как мир. Да, действительно, тебе только с пионерами общаться. «Дружит» она... Когда гуляете, за руки держитесь?

— Держимся. В ресторан вот недавно ходили. Первую получку пропивать.

— Ну а после ресторана?

— А что «после ресторана»? Катя, ты же знаешь, там всё сложно.

— Если бы у тебя была голова правильно на плечах пристроена— всё было бы куда как проще. Раз— и нет проблем. Тебе уже давно рожать надо, а ты о его проблемах думаешь, пионерка.

— Умная ты, как погляжу. А сама-то чего ждёшь?

— Я... я девочку жду.

— Да ты что?! Правда?!

— Правдее не бывает. На четвёртом месяце мы уже.

— Давно ли ты говорила, что ещё рано?

— Я же тебе чего толкую: ушами прохлопаешь— поздно будет. Так что поспешайте надоть.

— Мишаня, конечно, обрадовался новости?

— И не говори. Как узнал— напился до бесчувствия. Два дня с унитазом в обнимку просидел. Сейчас попривык и уже тихо радуется. Имя даже придумал— Сонечка.

— Когда свадьба?

— А мы решили без свадьбы. Сходим в загс, зарегистрируемся, небольшой фуршетик для самых близких— и всё, дорогая. Людей сейчас ничем не удивишь, а куда деньги засунуть, я и так знаю.

— Практичные вы люди, с Мишаней. Ну ладно, я ещё в отделе. А то дверь была закрыта.

На этот раз дверь была не только не замкнута, а открыта настежь, дым из неё валил, как от пожара, и слышно было, что разговор шёл по крупному.

—...Целовать я его ещё буду. Сейчас! Да я дам ему в репу, и пусть потом доказывает, что он не с печки упал.

— Надо будет— и целовать его придётся. Слово «дисциплина» знаешь?

Наталья заглянула в дверь. За её столом сидел незнакомый капитан, а Павловский, стоя к ней спиной и размахивая руками, доказывал, что целовать он «его» не будет, а просто даст ему в репу. Капитан, увидев Наталью, раздражённо крикнул: — Вы ко мне, девушка? Подождите, мне некогда.

— Да, собственно, я...

Павловский, услышав её голос, медленно повернулся.

— Наталья Максимовна... Вы?

— Нет, не я. Это дух святой. Чего собачитесь?

Андрей ломанулся к двери:

— Наталья Максимовна, проходите. А у нас тут планёрка.

— Да я уже слышу, как ты планируешь кому-то в репу дать. Смотри, Андрюша, упекут тебя в темницу.

— Вот и я ему говорю. Извините, Наталья Максимовна, никогда не видел вас в лицо,— капитан встал, протянул руку:— Капитан Литвиненко. Лезет на рожон, понимаешь. Следователь должен головой думать, не кулаки криминалу в морду совать. Заходите, гостем будете. Он мне тут всю плешь продолбил рассказами о вас.

— Наталья Максимовна,— Павловский восхищённо смотрел на Наталью,— какая вы! Я уже стал вас забывать.

— Ну ты как, лейтенант?

— Нормально. А Чмарова всё-таки замочили. Помните такого?

— Помню, Андрюша, помню. Я ещё, помню, говорила тебе, чтобы ты не заражал свой язык поганой феней.

— Вспомнил. Застрелили нашего друга Чмарова. Оказывается, знал он, урка, кто Промахова в полёт отправил. Слава Богу, успел своему корешу шепнуть. А уж тот как узнал, что Чмарова зам... застрелили, мне и подсказал.

— И кто?

— А напарника его по бизнесу, некоего Болховитина помните? Тинейджер такой зачуханный... Свидетелем проходил. «Ничего по делу не могу пояснить, друга потерял». Прижали— сразу и раскололся. Должен он был Промахову почти миллион, вот и вся проблема. А шуранул его в окошко— и нет проблем. Хорошо хоть по лбу сначала дал, а судмедэксперт разглядел гематомку. На этом и сломался, гнилой кредитор.

— Что, и эксгумация была?

— Да уж,— Павловский покачал головой.— Зрелище не для впечатлительных. В ту ночь так потом и не уснул.

— Не заплохело?

— Вытерпел. Мужик я или не мужик? Да ладно о нашем. Вы-то как, Наталья Максимовна?

— Прекрасно. Всё там хорошо, только вот этого шалмана не хватает. А так всё прекрасно. Работаем, ребята программы клепают, как оладьи стряпают. А я со всяким шакальём бьюсь. Ух, сколько их, шакалов, на пути добропорядочного предпринимателя. — Ладно, вы поговорите, а я пошёл. Дел куча,— капитан, подхватив со стола папку, вышел.

— Андрюш, ну как он?

— Да чего он? Мент как мент,— Павловский махнул рукой, повернулся к Наталье. Было видно, что волнуется, щёки запылали.— Наталья Максимовна, я, наверное, никогда вас не забуду. Наталья Максимовна...

— Андрей, прекрати, а то я сейчас же уйду. Андрюша, успокойся.

— Я пытался забыть. Дружил тут с одной девочкой. Ну дитя дитём. Лопочет чего-то. Смотрю на неё, а вы перед глазами.

— Андрей, представь нас с тобой лет через десять-пятнадцать, а? Я—старая, растолстевшая, оплывшая местами тётка, и ты—молодой мужик. Какими глазами ты бы на меня смотрел?

— А я и не хочу думать, что будет через пятнадцать лет. Я сегодня хочу жить. Понимаете?.. Сегодня хочу, сейчас!

— Житейской мудрости ты ещё не нажил, потому и хочешь всё сегодня, прямо сейчас. Капризки это. Андрюша, ты внимательно посмотри на меня, близко-посмотри—и увидишь, что я уже старенькая.

Андрей сделал два неуверенных шага, подошёл вплотную, внимательно посмотрел прямо в глаза. И вдруг, резко подавшись вперёд, быстро поцеловал Наталью. От неожиданности она даже не отстранилась и почувствовала вкус его припухлых губ. — Андрей... Ты что себе позволяешь? Ещё не хватало, чтобы кто-то вошёл. Знаешь... это уже через край.

— А пусть. Сейчас мне всё равно. Мне так давно этого хотелось... Я всё равно вас никогда не забуду. — Андрюша... — Наталья погладила его по щеке. — Не надо. Пройдёт время, всё забудется. Я не твоя женщина, у нас не может быть ничего. Ты очень хороший парень, и даже если ты мне и нравишься, я никогда не смогу себе позволить тебя любить. Ты для меня дитёнок, маленький и глупенький. Это дикость, когда рядом со старой тёткой молодой пацан.

— Всё-таки я вам немного нравлюсь? Ну скажите, мне так хочется это услышать от вас.

— Это ничего не меняет, даже если я ещё раз повторю это. Ничего... Всё, Андрей, не трави мне душу. Всё!

Уже дома, вечером, Наталья вдруг вспомнила вкус его губ. Чуть припухлые губы молодого парнишки... Накручивая бигуди, Наталья разглядывала себя в зеркале. «Ну и что, Наталья Максимовна?.. Признайся сама себе: тебе это понравилось. Понравилось, не отрицай. И на Андрюшу ты поглядела другими глазами. Что, тебя уже не держат служебные дела? Да нет, не лукавь... Ты просто его долго не видела, и время показало, что он тебе небезразличен. Да, девушка, признайся, что это так. Признайся, что этот парнишка тебе нравится, несмотря на то что ты его гонишь от себя. Да, Наташка, нравится, и не опирайся». Наталья прикрутила последнюю бигудюшку, повязала косынку и, поджав губы, ещё раз критически осмотрела себя. «Да вообще-то ничего женщина. Зря из себя старуху строю». Сложила остальные бигуди в коробку. Дурацкую привычку каждый вечер накручиваться сохранила ещё со студенческой поры, и это уже стало ритуалом. Есть ненавязчивый

повод неторопливо оглядеть себя, подумать перед сном, разложить мысли по полочкам.

Подошла к окну. На улице тихо шуршал дождь, косо поблёскивая в свете фонаря. Расстёгивая халат, пошла в спальню. Резко и коротко прозвонил дверной звонок. Так резко и неожиданно, что вздрогнула. Быстро подошла к двери.

— Кто?—взглянула в глазок.

Господи, Павловский.

— Андрей, это ты?

— Я, Наталья Максимовна.

Открыла дверь. Павловский стоял нахохленный и растрёпаный, как мокрая курица. С одежды набежала приличная лужа. Значит, стоял под дверью уже долго.

— Ты что тут делаешь?

— Шёл мимо... стоял вот, глядел на ваши окна. — Но ты же промок, наверное, насквозь. Ты что, заболеть хочешь?

— И умереть под вашей дверью.

— Шутник ты, однако, парень. Как тебя прогнать такого? И правда заболеешь ещё. Ладно, заходи, поздний гость.

Павловский потоптался у порога, разулся.

— Ты не обращай внимания на мой наряд, гостей, как ты понимаешь, я не ждала. Давай снимай куртку и клади её в угол, а то и моё всё вымочишь,—осмотрела ещё раз сверху вниз неожиданного гостя, покачала головой. — Слушай, ну чего ты пришёл? Андрей, прекрати меня измором брать. Я сегодня тебе всё сказала.

— Да я... вот... мимо шёл.

— Ты не ври так откровенно. Чего тебе тут ходить? Так, снимай и носки, они тоже насквозь. Сейчас сухие дам.

Когда вернулась с носками, Андрей стоял, подогнув пальцы синих от холода ног. Рубашка прилипла к телу.

— Это холоду же ты простоял под дождём? И какого чёрта ты там стоял, скажи мне, чудо ты гороховое?

— Да я сначала хотел зайти, потом испугался, а потом пошёл дождь, а я не мог уйти. Вот...

— Так... носки тебя уже не спасут. Иди в ванную, я тебе принесу полотенце и свой спортивный костюм. И чай сейчас вскипачу. А иначе ты можешь серьёзно залететь с простудой.

Наталья столкнулась с Андреем, когда выходила из кухни. Узкий проход хрущобной квартиры не позволил им сразу разойтись. Андрей остановился, и когда Наталья оказалась напротив, он, глядя ей прямо в глаза, медленно поднял руки, обнял и, положив ей голову на плечо, поцеловал в шею, в завиток, вырвавшийся из-под бигуди, ухо... И всё...

Что было потом, Наталья в деталях не вспомнила даже утром, когда проснулась. Андрей сопел, зарывшись в подушку, и был виден только вихор на

затылке. «Господи, какая же я дура! Что я наделала? Он же совсем ещё мальчик. А я его, кажется, люблю. Люблю, потому что дура, потому что уже не могу не любить. Что я скажу маме? Как объясню свою глупость? А Андрей?..»

У Натальи практически не было сексуального опыта, и то, что случилось однажды в студенчестве, объяснялось, скорее, желанием повзрослеть. А вот вчерашний взрыв безумия и неуправляемой реакции от поцелуя Андрея объяснить было невозможно. Ни логикой, ни разумом, ни совестливостью. Всё исчезло в одну секунду.

Андрей проснулся и, как нашкодивший школьник, посмагивал из-под простыни одним глазом.

— Ты вчера специально так намок?

— А то. Как бы я иначе проник в помещение?

— Ну и как ты считаешь, чего ты добился?

— Да я ничего не считаю. Я просто счастливый.

— А что мне делать?

— А ничего. Жить и радоваться жизни.

— Вот я и радуюсь. Стыдно на улицу выходить.

— Наталья Максимовна, да вы что! — Андрей высунул голову из-под простыни. — Вы такая суперская женщина! Наталья Максимовна, я в сексе не очень чтобы специалист, но вы... Я думал, умру сладкой смертью.

— Прекрати! Тоже нашёл специалистку. Проснулась — чуть от стыда не сгорела. Все слова, что я тебе тут в горячке говорила, — навек забудь! Это было в бреду.

— Ну как это можно забыть?

— Забудь, сказала! Не пользуйся тем, что у меня крышу снесло. Я сама не поняла, как это случилось. Господи, ну откуда ты взялся на мою...

Остальные слова Андрей погасил поцелуем.

В контору Наталья пришла только к обеду. Не успела разложить бумаги, подошёл Андрей.

— Что-то случилось? Я уж думал, приболела.

— Нет, всё нормально.

Андрей, наклонив голову, присмотрелся.

— Нет, ты сегодня какая-то не такая. Что случилось?

— Да нет же, всё нормально. Просто дома были дела. Витя сразу установил мне режим свободного посещения.

— В субботу в Зубовку едешь?

— Ещё не знаю, а что?

— Хочу у твоих родителей просить твою руку и сердце.

— Может, сначала надо у меня?

— А ты что, против?

— Я не знаю. Я совсем уже ничего не знаю и не понимаю.

— Что-то всё-таки случилось... Ладно, позже поговорим.

Наталья сидела с пустыми глазами. Это же надо: банальный любовный треугольник. Банальной

просто не бывает. И это не с кем-нибудь, это с ней. И она — персонаж этого треугольника! Истинный Бог — мыльная опера, над которыми она всегда смеялась, считая, что это примитивные выдумки для дурочек. Вот тебе и выдумки. Да... И кто же дурочка? Надо же такому сложиться. В сумочке запел мобильник.

— Наташа, я на автовокзале. Ты можешь меня увезти к той женщине?

— Мама... А ты чего на автобусе? Не могла ждать, пока я приеду? Мама, ну ты чего?... Говорит, что ли?

— Так можешь или скажешь мне её адрес?

— Да, конечно, могу. Жди, я махом.

— Махом не надо, не гони. Я тут на скамеечке посижу, не торопись.

Усаживаясь в машину, Галина Михайловна не удержалась от упрёка:

— И всё-таки гоняешь. Действительно махом прилетела.

— Мам, а ты уверена, что она тебя не выставит за порог? Или вообще не пустит в квартиру? Мам, для чего тебе это? Люди сейчас зачастую просто не понимают таких поступков. Ну ладно — я пришла, это ещё как-то можно объяснить. Но ты... Для чего?

— Для того. Не понимает тот, кого жизнь в тупик не загоняла. А тот, кто там был, — поймёт. Поймёт и оценит. Надо всегда надеяться, что внутри человек лучше, чем снаружи. Вот и надо добраться до того места, где он лучше.

— Но я с тобой не пойду и до двери. Увидев нас, она чёрт-те что подумает. Хочешь — иди одна. Я тебя в машине, за углом, подожду.

Галина Михайловна пробыла у Евгении больше часа. Вышла сосредоточенная и серьёзная. Молча села в машину. Наталья тоже молчала, хотя любопытство тихо грызло внутри.

— Она согласилась, — Галина Михайловна переключилась. — Господи, помоги ей. Дай покоя её душе.

— На что согласилась?

— Пожить в Зубовке.

— В Зубовке? У нас пожить?!

— Зачем у нас? Говоровы свою бабушку в город увезли. Я тебе рассказывала, что она ногу сломала. Ну вот, изба стоит пустая. Их Зинаида, как приезжала, заходила к нам. Всё горевала, что изба без присмотра осталась. Бабушка-то к зиме, как поправится, вернётся. В городе не хочет оставаться. Зина заплатила соседу, тот собаку кормит, а огород зарастает. Вот я и предложила Евгении пожить лето в полной тишине, покое. Пусть на звёзды посмотрит, по утренней росе босиком походит, птичек послушает, если захочет — травку в огороде пощиплет. Это лучше, чем в своей квартире бирюком сидеть. В этой темнице-одиночке совсем озвереешь. — И как же она тебя пустила в квартиру?

— Очень спокойно. Спокойно приняла, спокойно выслушала. Вначале удивилась, узнав, кто я. Выслушала, чего я пришла, и впустила в квартиру. Спокойно выслушала. Почти сразу согласилась пожить в деревне. Похоже, даже обрадовалась, когда я сказала, что у нас церковь есть.

— А чего так долго была?

— Потом разговорились. Ты ей правда понравилась, и ей действительно абсолютно всё равно, что будет дальше делать её Андрей. Знаешь, с ней разговаривать—как на волнах качаться. То взвизнит-ся до верха, то погружается куда-то в глубину себя. Её только покой может вылечить. Полный покой, умиротворение и молитвы. Я с батюшкой поговорила, чтобы он на неё внимание обратил. Отец Михаил хоть ещё и молод, но мудрости душевные раны лечить уже хватает. Да ладно о ней. Ты-то как?

— Да как... Текла жизнь ровно, текла, и вот на тебе— всё разом,— Наталья вздохнула.

— А что «всё разом»?

— Да всё. Не спрашивай, мам. Я ещё и сама не разобралась, как эту кучу разгрести.

— Какую кучу?— в голосе Галины Михайловны слышалась тревога.— Ну-ка признавайся, чего за куча. Что у тебя с этим Андреем?

— Мам, ну рано ещё говорить. Дай мне разобраться самой.

— Нет уж, девка. Признавайся, а то и мне покоя не будет. Так что у тебя с Андреем?

— С которым?

— ???.. А что, у тебя их два?

— Да...— коротко.— Выходит, два.

— Во как... Андреи пошли во множественном числе? И кто он такой—второй Андрей?

— Второй... Второй—молодой парнишка... Был у нас в отделе стажёром.

— И на сколько годов он моложе?

— На пять.

— Да... Ох ты, моя скромница. То ей никого не надо, то жених множественно пошёл. Ну так и что у тебя с тем Андрейкой?

— Всё,— бухнула Наталья. Подрулила к обочине, остановилась, заглушила мотор.— Всё, мама, было. Сама себя не узнаю, но вот так случилось. Как шквал налетел. Когда очнулась, так сначала стыдно было, а потом... Потом, ты знаешь, это удивительно, но на душе стало тепло. И такое ощущение вдруг возникло, что нашла то, что долго искала.

— Не знаю, что и сказать. Может, это и есть то, что ты так долго искала. Может...— Галина Михайловна помолчала, вздохнула.— Но уж больно молод. Хотя... Пять лет. Вроде не так уж и много. Смотри сама, тебе жить. Отец прав на все сто: внуков очень хочется. В душе много пустот уже образовалось, надо внуками их заполнять.

— И мне ребёнку захотелось. Так остро вдруг ощутила запах детских пелёнок, молока. Хочу ребёнка. Вот как никогда сейчас хочу.

— Ну так и рожай. Да и Бог с ним, что там дальше будет. Сладится—хорошо, не сладится—сами вырастим.

— Да зачем безотцовщину растить? Нагляделась я в милиции той безотцовщины. Ребёнку папа и мама нужны. Не знаю... Но мне кажется, это моё.

— А раз кажется, слушай себя. Уж лучше коротко—но по любви, чем долго, но с мыслями, что чужую жизнь проживаешь. Отцу ничего говорить не буду, как всё образумится, сама и скажешь Да... а вот о том, что ты к Евгении ходила, придётся рассказывать. Не хотелось бы... мужикам не обязательно всё знать, но придётся,— вздохнула.— Ничего, у нас батяка умный, поймёт. Всё, красавица, поехали, а то батяка там один. Сообразят ещё с дружкой, будет опять ходить, порядки наводит.

Только Наталья вошла в офис и села за стол, быстро подошёл Андрей.

— Ты где была?

— Это что, допрос? Требую адвоката.

— А серьёзно?

— С мамой ездила.

— Как Евгения связана с Зубовкой? Ты можешь мне всё объяснить, а то я ничего не пойму?

— Что ты имеешь в виду?

— Позвонила Евгения и попросила меня перевезти её с вещами в Зубовку. Куда, зачем—объяснять не стала.

— Да всё очень просто: когда я рассказала маме о своей встрече с Евгенией, она захотела с ней поговорить. Сегодня я её возила на Жукова, к Евгении. Недалеко от нас стоит пустующий дом, бабушку Говорову до осени перевезли в город, и мама предложила ей пожить лето в этом доме. Тишина, свежий воздух, уединение. Будет ходить в церковь, к отцу Михаилу. Чай будут по вечерам с мамой пить, о жизни говорить.

— Дурдом какой-то... Вам-то зачем это надо? Евгения невыносимый человек, твоя мама через пару дней взвоет от её выходок.

— Маме безразличны страдания других людей, она просто не проходит мимо чужого горя.

— Или я что-то не понимаю, или вы блаженные.

— Ты зря нас с мамой отождествляешь. Это её желание, и я тоже не сразу его поняла. Но и перечить не стала. Если ей нравится чужие души лечить—ну и пусть. Кому от этого хуже?

— Не знаю, хуже это будет или лучше, но как я буду с тобой в Зубовку приезжать?

— А почему со мной? Просто приезжай.

— Не понял... Наташа, что-то произошло? Я считал, что все недоразумения исчерпаны, обещание, данное Максиму Ивановичу, я выполнил. Что ещё надо сделать?

— Ничего не надо делать. Я тебе ничего не обещала.— Как?... А последние наши разговоры? А «я почти решила»?

— Андрей, мне кажется, что наши отношения, вероятно, так и останутся дружескими.
— Вот как?.. А я думал... У тебя кто-то есть?
— Не знаю, но, скорее всего, да.
— Женская логика всегда для меня была непостижима: «Не знаю, но, скорее всего, да». Так да или нет?
— Андрей, я сказала, что сказала. И не требуй от меня конкретности, я сама её не знаю.
— Когда узнаешь—скажешь?
— Наверное, скажу.

День случился суматошный. Витя настаивал срочно разобраться с предписанием антимонопольного комитета, требовавшего, как ему казалось, невозможного. А тут ещё клиент, приняв продукт без замечаний, вдруг заявил о нарушении договорных обязательств. И мотив абсолютно идиотский: его не устраивают некоторые компоненты программы, потому что другой разработчик мог бы это сделать лучше.

— Да пошёл он к чёртовой матери! А лучше пусть идёт к тому, кто сделает это лучше. А мы потом посмотрим! Наталья Максимовна, мы нарушили хоть одну запятую условий договора?

— Нет, Виктор Константинович.
— Вот и пошлите его к... В общем, вы знаете, куда его послать. Ну какие же придурки! Видите ли, ему не нравится. Мало ли что мне не нравится? Может, мне тоже моя жена не нравится? Ну и что? Женился, расписался—живи. А ему не нравится... понимаешь.

— А что, вам правда ваша жена не нравится?
— Да Бог его знает—нравится, не нравится. Живём. Всяко бывает. Что, разводиться каждый раз? Вы-то, сударыня, когда за Андрюху замуж пойдёте?
— Ой, Виктор Константинович, не знаю. Всё так сложно в этом мире.

— Хороший мужик, но чего-то жизнь его косяком идёт. Жалко мне его.

— Мне тоже. Но это не повод выходить за него замуж. А любовь-морковь как же?

— Да бросьте вы. Как одна тётя говорила: «Какá такá любовь?» Любовь проходит, как получка. Сегодня вроде полный карман был, а завтра фу-фу—и нет ничего. Одни воспоминания.

— Умужчин логика в этом достаточно примитивная. Женский ум по-другому устроен.

— Да уж... Скорее всего, Андрюхе облом в этом деле светит. Жаль. Хорошая бы пара сложилась.

— Есть у него уже пара. Ну так что, Виктор Константинович, от вина этой шараге по полной программе?

— Нет,—вздыхнул,—не время ещё «от винта». Пусть покапризничают. Мы там лёгкий глянец наведём. Пусть потешат своё самолюбие. Рано нам ещё таких козлов шугать,—Витя встал, встряхнулся всем своим могучим телом.—Как почувствую,

что закрепился на этом фронте,—захохотал,—вот тогда, кто первый попадётся, тому и вlepим всю картечь в одно место. А пока пусть немного по-выкобениваются. Напишите, что мы извиняемся, что мы готовы к долгосрочному сотрудничеству и всё им переделаем, как они захотят.

Вечером заявился Павловский. Весь из себя вылизанный, с букетом белых роз, тортом и вином. Проходить не торопится, стоит у порога, ждёт разрешения.

— Ну что, Андрей Павловский. Конфетно-цветочный этап ухаживания у тебя как-то не в той последовательности, как положено. Отстал немного.

— Да, Наталья Максимовна, хронология сломана. Но старых добрых традиций ломать не будем. Так приятно потом в старости будет вспомнить.

— Да уж... Воспоминаний предостаточно. Ну что, проходи, жених.

Вино было прохладное, торт вкусный, а розы просто благоухали. Сидели на кухне друг против друга, молчали.

— Наталья Максимовна, а я пришёл сделать вам предложение.

— Руки и сердца, конечно?
— Да. А ещё любви, верности, терпения и желания иметь много детей.

— Да, грандиозно. И ещё скажи, что ты, как порядочный мужчина, после того, что между нами произошло, просто обязан на мне жениться.

— Нет, это вторично. Я лучше ещё скажу, что я серьёзный человек, что я уже взрослый мужик и прошу вас относиться ко мне по-серьёзному.
— Прости, Андрюша. Это я от волнения. Мне впервые делают предложение.

— Вы принимаете моё предложение?
— Андрей, ты понимаешь, что я не могу за несколько дней полностью поменять своё отношение к тебе, даже после того, что произошло?

— Понимаю. А вы понимаете, что я уже не отступлю и буду биться до последнего? Все мужики по моей родове были однолюбамы. Мало того, они ещё все были настырными. Моего отца лупили каждый день, когда он познакомился с моей мамой и ходил её провожать. Его колотили, а он ходил. Колотили, а он ходил. Ходил, пока не зауважали. Все Павловские такие.

— Заявление серьёзное. Андрюш, не обижайся. Может, ты для начала перейдёшь на «ты»?

— Наташа, тебе чаю подлить?

— Ну ты и жук, Андрей Павловский. Тебе и брудершафта не надо.

— Я бы не отказался. Вы... ты так нежно целуешься. Упопомрачительно...

— Андрей, мы договорились не вспоминать тот угар. Не надо играть на слабости женщины.

— Наташа, то, что было, я уже никогда не забуду—это раз. Второе: я тебя люблю с тех минут,

когда даже ещё не знал тебя и просто шёл следом в первый день. И третье: то, что ты называешь угаром, это и твоя любовь, но на подсознанке. Значит, ты тоже меня любишь, но не хочешь в этом себе признаться. Поверь мне, мы обязательно должны прожить вместе всю жизнь и, чтобы родственникам было не накладно, помереть в один день. У меня всё,— Андрей встал, слегка поклонился.— Прошу считать это официальным предложением.

— Предложением чего?

— Предложением выйти за меня замуж.

— Присаживайся, молодой человек. Во-первых, ты нахал; во-вторых, я не тороплюсь замуж; а в-третьих... Твоя самоуверенность просто ставит меня в тупик.

Андрей вздохнул, вытер пот со лба.

— Да, с подсознанкой я загнул немного, прости. Просто я очень хочу, чтобы ты меня полюбила. Очень... Наташ, клянусь тебе, я сделаю всё, чтобы влюбить тебя в меня. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Да помолчал бы для начала. Много говоришь, герой-любовник. Как это ты полюбил меня, ещё не зная, кто я такая? А если бы я была воровка или, допустим, проститутка?

— Интуиция подсказала, что ты хорошая и что ты моя судьба. Наташ, ну неужели ты меня ну нисколько не любишь?

В Андрюшиных глазах можно было утонуть. И Наталья понимала, что тонет. Столько обаяния на неё ещё никогда не обрушивалось.

— Если бы нисколько, летел бы ты... Значит, сколечко. Хотя не пойму ещё за что.

— Любят не за что, а вопреки.

— Да? Интересная новость. Главное—свежая.

Уходя утром, Андрей, поцеловав Наталью в щёчку, потянул за ручку входной двери, и ручка осталась у него в руке. Приткнув её кое-как на место, посмотрел на Наталью. Она молча пожала плечами. — Да, мужика в доме нет—считай, разруха. Вечером почию.

Андрей ушёл, а Наталья стояла в коридоре, глядя на дверь. «Ну что, вот оно и пришло. Пришло то, чего ждала, чего боялась, на что надеялась и не верила, что оно будет. Оно и пришло неожиданно, не с той стороны, откуда ждала, и совсем не так, как думалось. „Вечером почию“. Мужик в доме. Мужик со своими повадками, своими привычками, человек другой породы, человек с другой планеты. К нему надо приспособливаться, надо учитывать в своих планах. Но всё равно приятно. Неужели я его полюбила? Наверное, да. Он такой забавный. Как он уютно сопит, когда засыпает. А какой он сильный! Здоровый мужик будет, как заматерее. Интересно, как он к детям относится? Я же не знаю, из какой он семьи. Вообще ничего не знаю. Надо вечером узнать. Господи, я уже

жду, что он придёт вечером. Это что? Наташа, что с тобой? Ты почувствовала себя замужней женщиной? Нет, это не замужество. Это просто ощущение мужчины рядом. И, надо признаться, это интересно...»

Евгения вошла в дом и замерла. Она совсем не знала деревенского уклада жизни и никогда не жила в деревенском доме. Когда-то давно, наверное, ещё в той жизни, они с Назаровым ездили к его дальним родственникам в деревню. От той поездки остались ощущение тесноты, запах ржаных калачей в сенях и тусклая темнота керосиновой лампы. Всё. И вот её временное пристанище, дом в деревне Зубовка. Назарова она отправила сразу, как он выгрузил вещи, нечего ему тут делать. Взяла только самое необходимое, привычное. Галина Михайловна сказала, что в доме всё есть, просто хозяйка временно уехала. Да, ощущения брошенности в доме не было. Всё чисто, прибрано, постель застлана свежим бельём, цветы политы. Евгения не знала, что Галина Михайловна вчера добрых полдня приводила дом в божеский вид. Разложив вещи в шкафу, Евгения села в угол, на широкую лавку. Говорят, раньше на них спали. Евгения тихо сползла по стёне и улеглась вдоль лавки. На божничке стояла тёмная икона какого-то святого, едва проглядывавшего сквозь темноту. В лампадке маленьким язычком пламени чуть светился огонёк. Его свечение было таким умиротворённым, что Евгения через несколько минут тихо задремала. Пришёл даже не сон, а какое-то лёгкое парение между бытием и небытием. Сколько это длилось, она не знала. Всё улетело куда-то тихо и легко, и ничего не связывало её с земной жизнью. «Наверное, так умирают? Если так, то совсем и не страшно. А где же святые, что должны меня встретить? Нет, я ещё не умерла, это просто так, не взаправду. Просто мне показывают, как всё это будет, когда я умру по-настоящему».

Очнувшись она от лёгкого постукивания в окно. Привсталла. За окном сидела птичка и что-то искала клювом в щёлочке за наличником. Евгения вышла на крыльцо, присела на верхнюю ступеньку. Было и не тепло, и не холодно, не сухо и не влажно. Идеальная среда для тела. Да и для души, пожалуй. Ничто не мешало жить.

Галина Михайловна пришла под вечер, принесла кринку молока и круглую булку хлеба.

— Ну что, Божья душа, пришласть к месту? А я тут хлеб пекла, вот и принесла гостинец. Парное молоко организм принимает?

— Не знаю, давно не пила.

— Вот и попей,—налила в кружку молока, отломала краюху хлеба.— Покушай, очень полезно.

Евгения понюхала краюху и медленно откусила, зарывшись носом в душистую мякоть. Молоко было тёплое и густое.

— Больше стакана за раз не пей, пусть твоя городская желудок привыкнет. Завтра молодой картошки подкопаем, в молоке отварить, ангельская еда получится. И ещё: я говорила с отцом Михаилом, он ждёт тебя к вечерней службе.

— Я не знаю ни одной молитвы.

— И не надо. Молитву не надо учить. Душа примет—сама запомнится. Приди в храм, постой, послушай. Не хочешь с ним говорить—не говори. Батюшка не милиционер, с ним говорят, только когда самому захочется. Он хоть и молод, а человеческую душу понимает. Поговоришь с ним—и полегчает. А тяжело будет всю службу выстоять—присядь в улолке.

— Галина Михайловна, не обременяйте себя заботами обо мне. У вас свои дела есть.

— Ой, Женя, да какие там дела,—Галина Михайловна присела на табуретку.— Живём с мужем вдвоём. Хозяйства—одна корова да курей с десятком. Совхоза давно уже нет, народ шатается без дела. Максим сильно переживает. Пройдёт по деревне, насмотрится на этот разгром—домой иногда чернее тучи приходит. При мне-то опасается материться, так на огороде одну душу отводит. Он же всю жизнь на земле работал. Орденом наградили, знатный механизатор был. И как ему на всё это смотреть? Землю дурниной зарастили, трактора поразворовали. Вот так и живём. Ну да ладно,—поднялась с табуретки.— Я тебе докучать не буду. Тебе надо одной, в тишине первобытной побыть. Утром обязательно босиком по росе походи. Только рано, ещё до солнышка. Молока я тебе буду приносить... — сделала упреждающий жест.— Корова удоистая, иногда и выливать приходится, так что и на тебя с избытком хватит. Остальное в лавке прикупишь. С бабами в разговор там не вступай, не бери лишнего мусору в голову. Заскучаешь—приходи, неторопливо чего и поговорим. Всё, девка, оставайся с Богом, пошла я, а то мой Макся меня потеряет,—и уже с порога:—Банку, как молоко выпьешь, сполоснёшь—да на штакетину. Я потом заберу.

Максим Иванович и правда потерял жену.

— Ушла молчком, нет её и нет.

— Евгении булку хлеба да молока отнесла. Да... Глаза у неё пустые. Может, отогреется в тишине да в чистоте. Есть будешь?—забрязкала посудой.— В городе чтобы жить, надо или очерстветь до корки, или особачиться до злобы. А такой ушибленной—совсем погибель.

— Ты, доктор Пилюлькин, ты-то откуда её диагноз знаешь—ушиблена она или с рождения такая?—С рождения все ангелы. Это уж потом—как судьба развернёт. Кого погладит, а кого и по темечку тукнет. Натаха говорила, что она при разговоре ей позавидовала, что у неё такая мама. Я думаю, этой Жене её мама ещё в детстве что-то недодала.

Вот она и озлобилась на весь свет. А в злобе какая жизнь? Тут, на природе, может, и отогреется душа, встанет на место. В церкву походит, перед иконами постоит, с отцом Михаилом поговорит.— Ты в церкву как в поликлинику отправляешь.

— Э-э... старый. Как был ты нехристь, таким и остался. От иконы да молитвы в тысячу раз больше пользы, чем от таблетки. Душу надо лечить, а не тело. Вот отсюда все болячки,—постучала ему пальцем по голове,—это и лечить надо.

— У меня душа не там. Да лечи, я что, против? Интересно, как её Андрей сюда ездить будет?

— Так и будет.

— Будет-то будет, в чьи тока ворота?

— В жонины.

— Не понял. А Наталья?—Максим Иванович встревоженно глянул на жену.— Так... Выходит, я что-то опять не знаю. Выкладывай, а то пытаться буду.

— Дёрнул меня чёрт за язык. Похоже, всё у них разладилось.

— Ну вот. А я думал, как раз всё налаживается. А что, поругались?

— Да нет... — Галина Михайловна вздохнула.— Другой на её горизонте всплыл. Тоже Андрей, но на пять лет её моложе.

— Во даёт Наталья. И что, там всё серьёзней, чем с этим?

— Да куда уж серьёзней. Втрескалась наша доча по самы уши.

— Но он-то хоть холостой?!

— Холостой-неженатый. Работал с ней стажёром в милиции и прилепился. Да так, что наша Наташа сразу вспомнила, что и замуж ей пора, и детей рожать пора.

— О це дило! Ото оно как добре... Нашёлся-таки орёл, шо Наташка вспомнила, шо она женщина. Хочу на него глянуть.

— Погоди. Наглядишься ещё, как сладится. Молод уж больно.

— Но шустрый, видно, парень. Наташке голову вскружить—это, я тебе скажу, надо быть орлом. А насколько моложе?

— На пять.

— Ну, то ерунда. С молодым мужиком сама помодее. А что за семья? Парень местный?

— Да не знаю я ничего. Она обмолвилась, а я не стала сильно приставать. Придёт время—расскажет.

Подходил к концу третий месяц работы ООО «Вита», и чем больше становился поток заказов, тем больше менялся её хозяин—Витя Воронцов. Из уютно сопевшего плюшевого медвежонка Воронцов всё явственней превращался в свирепого гризли. Разбита о стенку уже вторая мышь, любой разговор с первых звуков переходил на приказной крик. Все тихо сидели по углам, общение в курилке прекратилось. Маринка, как самая пугливая, не поднимала голову из-за монитора в страхе

попасть под Витин гнев. Наталья со своим столом территориально была ближе всех к Воронцову и, наблюдая за ним, поняла, что его гнев — от страха. От обычного меркантильного страха потерять что-либо. Те разумные траты, для затыкания ртов всех грызущих и спокойствия, уменьшались и уменьшались, катастрофически увеличивая его тревогу. Расгущие нули в суммах прибыли, как опухоль, сжирали большой организм Воронцова.

Момент для серьёзного разговора с Андреем всё как-то не складывался, да, пожалуй, уже и терялся смысл этого разговора. Андрей видел, что Наталья отдалается, и понимал, что за этим стоит мужчина. А кто... Да какая разница кто? Другой мужик, не он. А ему что остаётся? А ничего. Утереть сопли, и всё. Обида тихо глодала душу изнутри, и однажды, просидев допоздна на вечерних мужицких посиделках в офисе и хорошо набравшись, Андрей поехал к Наталье.

Открыл дверь Павловский. Он ночевал у Натальи не каждую ночь, но часто. Об Андрее Николаевиче знал в общих чертах, но подробностями не интересовался. И вот встреча, как говорится, нос к носу. Павловский сразу не понял, кто это. — Здравствуйте... Наташа, это, наверное, к тебе. Проходите.

Наталья, выглянув из-за угла кухни, замерла и остановилась. Но, взяв себя в руки, шагнула к двери.

— Здравствуй, Наташа. А я вот решил заглянуть. — Проходи... Андрюша, познакомься... Это... Это Андрей Николаевич Назаров, мой старый знакомый.

— Проходите, Андрей Николаевич. Раздевайтесь. Может, чайку с нами? Или водочки?

— Да нет. Водочки, чтобы зайти в гости, мне уже хватит. А пройти... Что же, пройду, взгляну, как вы тут устроились.

Повесив плащ на вешалку, неторопливо прошёл на кухню, уселся на табуретку. Павловский — напротив. Поняв, кто поздний гость, Андрей внутренне насторожился, но вида не показывал. Наталья так и стояла у входа на кухню.

— Ну что, Андрей Николаевич, от водки вы отказываетесь. Вам чай покрепче?

— Да мне всё равно.

— А вы интересуетесь, как мы тут устроились, на правах старого друга?

— А вы, собственно, вообще-то кто? Наташа вас даже не представила.

— Ну, если вы старый друг Наташи, то я, выходит, новый.

— И уже на правах хозяина. А не быстро?

— Стоп, мужики, — Наталья, пододвинув табурет, села на торце стола между Андреем. — Стоп! А то, я гляжу, градус растёт. Дайте слово даме.

— Да я что? Я ничего, я очень даже спокоен, — Павловский встал и пошёл к плите за чайником.

— Андрей Николаевич. Я видела ваши попытки поговорить, но всё как-то не складывалось. Вот... Мы с Андрюшей живём вместе. Мы так решили, и нам хорошо.

— Это хорошо, что хорошо. Скажи, ну вот почему у меня в жизни всё так получается? Почему моё место в этой жизни всегда кем-то занято?

— А вы считаете, что он, — кивнула на Павловского, — занял ваше место? Андрей Николаевич, у нас с вами были чисто дружеские отношения и я вам ничего не обещала. Не ставьте меня в неловкое положение

— Да что вы, Наташа. Ни в коем случае. Какие у меня могут быть претензии? В этом отношении вы абсолютно чисты. Это так... Это просто громко высказанная досада.

— Андрей Николаевич, я уже предлагала вам остаться хорошими друзьями. В жизни не всегда складывается, как нам бы хотелось.

— Да... Андрей, повезло тебе, — вздохнул. — Не мой сегодня праздник. Ладно, спасибо за чай, пойду я, — встал, слегка поклонился. — Счастья вам. Люби её, Андрей, она замечательная женщина.

Быстро накинув плащ, Назаров ушёл. Андрей закрыл дверь и вернулся на кухню.

— Ну что, замечательная женщина, продолжим чаепитие? А завещание этого дядечки я обязательно исполню и любить тебя буду всегда.

— Не ёрничай. Он хороший человек. Хороший, но несчастный. Мы с ним случайно познакомились. Он как-то подвозил меня из Зубовки. Потом помог перейти на эту работу. Не скрою, я могла за него выйти замуж... если захотела бы. Но это так... номинально. Особо тёплых чувств у меня к нему не было. Может, и могла бы... Если бы ты, как подарок судьбы, мне на голову не свалился. Вовремя тебя Бог послал.

— Он знал, когда посылать.

— Ну ладно, и коль уж сегодня такой судьбоносный вечер получился, есть для тебя ещё одна информация.

— Хорошая или плохая?

Наталья захохотала:

— А вот это не знаю. А чего напрягся?

— Так интересно.

— Ну, коль интересно... Да... Ну так вот...

— Наташ, ну не тяни.

— Так вот что... Возможно, я скоро буду мамой.

Андрей медленно встал с табуретки. Вихрь чувств просквозил на лице: радость, удивление, глаза повлажнели. Подошёл к Наталье, опустил на колени, обнял, положил голову ей на грудь.

— Наташка ты моя... Господи, как здорово. Я буду отцом...

— А не рано для тебя?

— Что ты говоришь! Да почему рано? Это же так здорово, когда у тебя есть ребёнок, ты можешь

его учить чему-то. Наташа!!! Это же так здорово!
Рожай быстрее!

— Шустрый ты больно. Не надо быстро, вовремя надо.

— Здравствуйте, Михаил Васильевич.

— Наталья Максимовна,— Смагин встал из-за стола, подошёл, приобнял за плечи.— Рад тебя видеть, очень рад. Проходи, присаживайся, Ты же теперь не Коренко— Павловская. Павловская Наталья Максимовна. Непривычно на слух. Но молодец... Отхватила себе орла. Андрюха такой важный стал, грудь колесом, серьёзный весь из себя. Муж!
— Да, он здорово изменился. Михаил Васильевич, я вот что зашла...

— Молодец, что зашла. Стоп, стоп, стоп...— глаза Смагина хитро заблестели.— Хочешь, угадаю, зачем пришла? Неужели?..

— Ужели... От вас ничего не скроешь. Возьмёте обратно?

— Мы же договаривались. А ментовское слово Смагина— железное.

— Но у меня особые обстоятельства.

— Что за обстоятельства?

— Мне в декретный идти.

— Ха... Напугала ежа. Я сказал, что у меня слово железное,— значит, железное. Да рожай себе на здоровье. Рожай Павловскому сына или дочь, да хоть двойню. Иди, мы подождём. Тебя стоит подождать.

— Спасибо, Михаил Васильевич.

— Ну что, прав я был, когда предупреждал, что всё это гнилухи?

— Да, Михаил Васильевич, деньги— страшная штука. Клыки на глазах росли. Такой тихий и милый человек был— и во что превратился.

— В тихом болоте чертей всегда больше. Он лысый или лохматый?

— Лохматый.

— Жаль, а то можно было бы прямо на лысину плюнуть. Забирай свои бумаги и приходи. Дам команду, оформят влёт,— оценивающе, наклонив голову, оглядел Наталью.— Я гляжу, в декретный тебе ещё не скоро, успеешь поработать,— потёр руки.— А работы у нас... ух... Невпроворот работы!

Наталья съехала с тракта и тихо покатила по гравийке. Андрей ушёл на дежурство, успев за утро убедить её съездить к родителям. Наталью Смагин от дежурств освободил, свалив ей на стол кучу недооформленных документов— вечный бич отдела. Главное оружие мента— не пистолет, главное оружие— ручка. На любой чих должен быть документ, иначе потом не отмашешься и не отбрешься. Вот Наталью до декретного и усадили для подбирания всех хвостов. Катерина дорабатывала последние дни и ходила как арбузик на ножках, подурневшая и капризная. Райотдел жил обычной полнокровной жизнью.

По коридорам пугливо жался деклассированный элемент, вызванный на исповедь и напряжённо думающий, чего бы ему соврать, да разный милицейский люд, вечно затурканный всякими противоречивыми указаниями и невыполнимыми заданиями. Ментовская жизнь кипела. Наталья, после стерильности офисного бытия, подковёрной возни и интеллигентного, но откровенного вырывания куска изо рта ближнего, вошла в эту воду привычно. Народ в основном не очень интеллигентный, а порой и совсем не интеллигентный, но в спину не стреляют. А если и идёт какая борьба за лычку или власть, то, как правило, на виду. Да и вообще, при всей непрезентабельности ментовской работы— воздух чище.

Витя Воронцов удивился до изумления, увидев заявление Натальи на увольнение.

— Как так, Наталья Максимовна?.. Мы же... Вы же... А?..

— Не моё это, Виктор Константинович. Извините, что не оправдала ваше доверие, но не могу. Отпустите.

— И куда же вы— снова в милицию?

— Скорее всего, да. Там всё понятно.

— Только приличные деньги стали зарабатывать— и опять на гроши?

— А вы думаете, деньги— это главное?

— А что, по-вашему, главное в нашей жизни?

— Но не деньги, это точно.

— Вы, может, на меня за что-то обиделись?

— Вы очень изменились, Виктор Константинович. Вы раньше были добрее. И вы, извините, плохо выглядите. Деньги не стоят здоровья. Не будет здоровья— никаких денег не надо будет.

— Вот тут вы правы,— вздохнул.— Так, может, останетесь?

— Нет, я решила.

— Ну, вольному воля,— подписал заявление.— Что скажете на дорогу?

— Да что сказать?.. Уважайте людей, кто за вами пошёл. Без них вы ничего не будете стоить.

— Ну что же, спасибо, учту. И всё-таки вы с обидой уходите.

— Скорее, с облегчением.

Машина тихо мурлыкала. За окном всюю багровела осень. Наталья накупила разных фруктов, пару астраханских арбузов— порадовать Максима Ивановича. Беременность ещё протекала спокойно, никаких дурацких и навязчивых желаний не было, губы не распухали, да и вообще как будто ничего не произошло. Чтобы не беспокоить маленького, узи не стали делать, но Андрей, уверенный, что у них будет сын, дурачился как мальчишка, прикладывая руки рупором к животу и рассказывая своему «Илюхе», какая хорошая у него будет мама и умный папа.

— Папа у тебя полный дурачок, — щёлкала Наталья его по лбу. — И вообще, там не Илья, а Настёнка.

— Илюшка, не слушай маму, Настёна у нас будет в следующий раз, годика через два.

— Неправильно. Сначала няньку — потом ляльку.

— А давай сразу двоих — Илюху и Настю?

— Вот сам и рожай сразу двоих.

За окном показались крайние дома Зубовки. Наталья поехала ещё тише, свернула на свою улицу.

Впереди слева, у дома Говоровых, стояла знакомая машина. Подъезжая ближе, увидела сидящего на скамейке у ворот Назарова. Подъехав ближе, остановилась, опустила стекло. Андрей поднял голову, кивнул, вяло махнул рукой. Наталья, тоже молчком кивнув, посмотрела долгим взглядом и тихо тронула машину. Назаров отвернулся.

Бабушка ещё в детстве нагадала Наталье, что выйдет она замуж за молодого и счастливо проживёт с ним всю жизнь...